

Ю.Г. Бит-Юнан, Д.М. Фельдман

Василий Гроссман

в зеркале литературных интриг

Давид Фельдман

**Василий Гроссман в зеркале
литературных интриг**

«Неолит»

2015

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Фельдман Д. М.

Василий Гроссман в зеркале литературных интриг /
Д. М. Фельдман — «Неолит», 2015

ISBN 978-5-00091-163-1

В. С. Гроссман – один из наиболее известных русских писателей XX века. В довоенные и послевоенные годы он оказался в эпицентре литературных и политических интриг, чудом избежав ареста. В 1961 году рукописи романа «Жизнь и судьба» конфискованы КГБ по распоряжению ЦК КПСС. Четверть века спустя, когда все же вышедшая за границу книга была переведена на европейские языки, пришла мировая слава. Однако интриги в связи с наследием писателя продолжились. Теперь не только советские. Авторы реконструируют биографию писателя, попутно устраняя уже сложившиеся «мифы». При подготовке издания использованы документы Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Федеральной службы безопасности. Книга предназначена историкам, филологам, политологам, журналистам, а также всем интересующимся отечественной историей и литературой XX века.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00091-163-1

© Фельдман Д. М., 2015
© Неолит, 2015

Содержание

Предисловие. Контекст биографии	6
До и после ареста	6
Загадки и разгадки	9
Нерешенные проблемы	13
Парадоксы историографии	16
Часть I. Дебют и репутация	18
Обозначенные лакуны	18
Семья и школа	23
Искусство обиняков и недомолвок	28
Эпистолярная специфика	32
На перепутье	36
У второй ступени	42
Вторая ступень	46
Скрытые препятствия	50
Новый этап	53
Депрессия	56
Режим одиночества	61
Выпускник	65
Разговор всерьез	68
Недопустимо и своевременно	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Давид Фельдман, Юрий Бит-Юнан Василий Гроссман в зеркале литературных интриг

© Бит-Юнан Ю. Г., Фельдман Д. М., 2015

© Издательство «ФОРУМ», 2015

© Издательский дом «НЕОЛИТ», 2015

Предисловие. Контекст биографии

До и после ареста

Как известно, 14 февраля 1961 года в квартиру весьма популярного тогда писателя В. С. Гроссмана вошли офицеры Комитета государственной безопасности СССР. Пятидесятилетнему хозяину предложили выдать добровольно рукописи его романа «Жизнь и судьба». А еще – указать всех, у кого есть копии. В итоге изъяли беловые и черновые экземпляры, подготовительные материалы и т. п.¹

Известно также, что арест романа, признанного антисоветским, не предали огласке. Формально статус автора не изменился. Три года спустя похоронами Гроссмана, согласно правилам, занималось руководство Союза советских писателей.

Торжественный ритуал соблюдался неукоснительно: траурный митинг в конференц-зале ССП, речи именитых коллег над гробом и могила на престижном Троекуровском кладбище. Официальной репутации соответствовали также некрологи в столичной периодике².

Соблюдены были и другие правила. В частности, писательское руководство сформировало так называемую комиссию по литературному наследию. Ей надлежало заниматься изданием уже опубликованного и еще не публиковавшегося Гроссманом³.

Статья о нем критика Г. Н. Мунблита помещена во втором томе Краткой литературной энциклопедии, что было весьма значимо. Справочные издания в СССР официальную точку зрения отражали – на момент подписания к печати. Этот том подписан вскоре после смерти автора конфискованного романа⁴.

Казалось бы, обычная статья. Сначала – данные анкеты и характеристика дебюта: «**ГРОССМАН**, Василий Семенович [29.XI(12.XII). 1905, Бердичев – 14.IX.1964, Москва] – рус[ский] сов[етский] писатель. Окончил физ[ико]-мат[ематический] ф[акультет] МГУ (1929). Работал в Донбассе инженером-химиком. Первая повесть “Глюкауф”, о жизни сов[етских] шахтеров, опубл[икована] в журн[але] “Лит[ературный] Донбасс” (1934). Рассказ Г[россмана] “В городе Бердичеве” (1934), рисующий эпизод из времен гражд[анской] войны, обратил на себя внимание М. Горького, поддержавшего молодого автора и напечатавшего “Глюкауф” в новой редакции в альм[анахе] “Год XVII” (1934). В написанных позднее рассказах Г[россман] рисует образы сов[етских] людей, прошедших через подпольную борьбу против царизма и гражд[анскую] войну, людей, ставших хозяевами своей страны и строителями нового общества. В отличие от писателей, изображавших таких героев в романтизированной манере, Г[россман] показывает их подчеркнуто реалистически, в обыденных жизненных обстоятельствах, к[ото]рые, по замыслу автора, особенно отчетливо оттеняют необыкновенность их душевного склада и новизну морального кодекса (“Четыре дня”, “Товарищ Федор”, “Кухарка”»).

В интерпретации Мунблита начало биографии советского литератора вполне соответствует актуальным тогда идеологическим установкам. Так, выпускник университета не сразу начал писательскую карьеру, а пять лет работал на одном из предприятий всесоюзно знамени-

¹ См.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 1–4.

² *Правление Союзов писателей СССР и РСФСР*. Гроссман В. С. // Литературная газета. 1964, 17 сент.; *Ред. журн. «Новый мир»*. Василий Семенович Гроссман. [1905–2964. Некролог] // Новый мир. 1964. № 9. С. 288.

³ <Секретариат правления Московского отделения Союза писателей РСФСР>. Литературное наследие В. С. Гроссмана // Литературная газета. 1965. 8 апр.

⁴ Здесь и далее цит.: *Мунблит Г. Н.* Гроссман Василий Семенович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стб. 398–399.

того Донецкого угольного бассейна – Донбасса. Стало быть, получал жизненный опыт, а этого и требовали от писателей идеологи. Акцентируется, что и дебют с шахтерской темой связан. Значит, не случайно отмечен первым классиком советской литературы – Горьким.

Далее, как положено, характеристика самых известных публикаций. И конечно, личности автора: «Роман Г[россмана] “Степан Кольчугин” (ч[асти] 1–2, 1937–40) посвящен жизнеописанию молодого рабочего, выросшего в шахтерском поселке, человека, жизненный путь к[ото]рого закономерно приводит его к революции, к участию в борьбе за дело своего класса в рядах большевистской партии. В годы Великой Отечеств[енной] войны Г[россман] становится воен[ным] корр[еспондентом] газ[еты] “Красная звезда” и, проделав в рядах армии весь путь отступления, а потом наступления от Волги до Берлина, публикует серию очерков о борьбе сов[етского] народа против гитлеровских захватчиков (“Направление главного удара” и др.). В 1942 в “Красной звезде” печатается повесть Г[россмана] “Народ бессмертен” – первое крупное произв[едение] о событиях войны, где дана обобщенная картина нар[одного] подвига».

Вполне лестные характеристики. Первый роман с дебютной повестью соотнесен, причем «шахтерский поселок» и горное дело, как явствовало из ранее сказанного, автор романа знал не понаслышке. Затем он «в рядах армии», да еще и создал «первое крупное произведение о событиях войны». Но отмечено, что позже не все благополучно складывалось: «В 1946 Г[россман] опубл[иковал] пьесу “Если верить пифагорейцам”, написанную до войны, тема к[ото]рой – неизменность повторения в разные эпохи одних и тех же жизненных коллизий. Пьеса вызвала резкую критику в печати».

Справедлива ли была «резкая критика» – не сообщается. Ясно только, что и дальше не все складывалось благополучно: «В 1952 начинает печататься роман Г[россмана] “За правое дело” (неоконч[енный]), в к[ото]ром автор стремится осмыслить историч[еское] значение Великой Отечеств[енной] войны. Роман задуман как широкое полотно, воссоздающее борьбу сов[етских] людей против фашизма, борьбу гуманистич[еского] революц[ионного] начала с силами человеконенавистничества, расизма и угнетения. В романе доминирует мысль о народе, выносящем на своих плечах всю тяжесть защиты родной земли. Война предстает здесь в ее конкретности, от событий историч[еского] масштаба до небольших в сравнении с ними эпизодов. В житейском будничном обиходе автор раскрывает душевный мир сов[етских] людей, всем своим складом противостоящий механизированно-злой агрессии гитлеровцев. В романе явственно звучит излюбленный Г[россманом] мотив неизменного превосходства высоких и чистых человек[еских] побуждений над жестокостью и корыстью. С большой худож[ественной] силой показывает писатель, как защита правого дела дает моральный перевес сов[етским] бойцам. Первая часть романа Г[россмана] встретила противоречивые отклики – от безоговорочных похвал до упреков в искажении картины войны».

Интонация статьи, да и приведенная в конце библиография подсказывали читателям, что позже «упреки» признаны несправедливыми. Так, перечень критических откликов на спорный роман содержит лишь опубликованные в 1953 году. Ну а в списке основных публикаций Гроссмана указано: «За правое дело, ч. 1–2. М., 1954».

Подразумевалось, что переизданием 1954 года дезавуированы все отрицательные отзывы о «первой части». А потом еще и две другие опубликованы.

Отсюда следовало, что критиковали только первую часть трехчастной книги. К остальным не было претензий. Только вот роман остался «неоконченным».

Использование такой характеристики, как «неоконченный», вполне закономерно. Не раз в периодике до ареста рукописей анонсировалось продолжение романа «За правое дело» – «Жизнь и судьба». Причем указывалось, что публикацию второй книги дилогии готовит журнал «Знамя»⁵.

⁵ См.: Гроссман В.С. Сталинградские штабы // Литературная газета. 1960. 2 апр.; *Он же*. Утром и вечером // Литература

Из энциклопедической же статьи следовало, что вторая книга постольку не издана, поскольку автор не успел ее завершить. И можно было догадаться почему: «В последние годы Г[россман] опубл[иковал] ряд рассказов в журналах».

Стало быть, не только романом занимался, потому и окончить его не успел. Ну, а в списке основных гроссмановских публикаций – сборник «Старый учитель. Повести и рассказы, М., 1962».

После обыска сборник был издан. Таким образом, коллегам-писателям, знавшим об аресте романа, напомнили еще раз, что статус автора не изменился – официально.

Загадки и разгадки

В 1970 году западногерманские журналы «Грани» и «Посев» опубликовали главы до той поры неизвестной повести Гроссмана – «Все течет...». Она была воспринята как безошибочно антисоветская и вскоре отдельным изданием вышла⁶.

Резонанс в эмигрантской среде поначалу оказался невелик, а на родине автора будто ничего и не заметили. В 1972 году новую статью Мунблита о Гроссмане поместила Большая советская энциклопедия. Тоже вполне комплиментарную, только не сказано, что роман «За правое дело» – «неоконченный»⁷.

Главы романа «Жизнь и судьба» печатались в эмигрантской периодике с 1975 года. Тогда же об аресте рукописи впервые сообщил А. И. Солженицын – в книге воспоминаний «Бодался теленок с дубом»⁸.

Более подробные сведения вскоре предоставлены Б. С. Ямпольским. В 1976 году парижский журнал «Континент» поместил его статью «Последняя встреча с Василием Гроссманом (Вместо послесловия)»⁹.

Казалось бы, публикация глав арестованного романа должна была стать весьма заметным событием. Но опять невелик резонанс в эмигрантской прессе, а на родине автора вновь словно и не заметили ничего.

Полностью роман впервые напечатан в 1980 году швейцарским издательством “L'Age d'Homme” («Возраст человека»). Публикаторы – советские эмигранты С. П. Маркиш и Е. Г. Эткинд – указали в предисловии, что текст подготовлен на основе рукописей. Не сообщалось только, как удалось их раздобыть¹⁰.

В эмигрантской среде резонанс был опять невелик. Даже полное издание словно бы игнорировалось¹¹.

Однако в том же 1980 году опубликован перевод на французский язык. Четыре года спустя книга переведена на итальянский и немецкий. Тогда же выпущено первое англоязычное издание в Лондоне. В следующем году появилось и нью-йоркское¹².

Популярность книги росла быстро. Восхищенные рецензенты, сравнивая автора с Л. Н. Толстым, утверждали, что «Жизнь и судьба» – один из «величайших романов XX века»¹³.

Но по-прежнему читатели не знали, как издатели добыли источники текста. Впрочем, такой вопрос и не принято было обсуждать в печати. Случай не беспрецедентный, подразумевалась инициатива кого-либо из друзей и знакомых, а угадывать имя – все равно, что донос в СССР послать.

⁶ См.: Гроссман В.С. Все течет... Frankfurt/M.: Посев, Сор. 1970.

⁷ Мунблит Г. Н. Гроссман Василий Семенович // Большая советская энциклопедия. Т. 7. М., 1972. Стб. 351–352.

⁸ См.: Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Paris, 1975. С. 34, 114, 154, 327, 489.

⁹ Ямпольский Б. С. Последняя встреча с Василием Гроссманом (Вместо послесловия) // Континент. 1976. № 8. С. 133–255.

¹⁰ См.: Эткинд Е. Г. Двадцать лет спустя // Гроссман В. С. Жизнь и судьба. Lausanne, 1980. С. XI.

¹¹ См., напр.: Закс Б. Г. Немного о Гроссмане // Континент. 1980. № 26. С. 352–364; Эткинд Е. Г. Двадцать лет спустя // Время и мы. 1979. № 45. С. 5–12; Он же. Советские табу // Синтаксис. 1981. № 9. С. 3–20; Свицкый Г. Ц. Восемь минут свободы // Грани. 1985. № 136. С. 295–305; Косинский И. Трава пробивает асфальт // Континент. 1986. № 48. С. 372–383.

¹² Grossman V. Vie et Destin. Lausanne, 1980; Grossman W. Leben und Schicksal. Munchen, 1984; Grossman V. Vita e destino. Milano, 1984; Grossman V. Vida y destino. Barcelona, 1985; Grossman V. Life and Fate. London, 1985; Grossman V. Life and Fate. New York, 1986.

¹³ См., напр.: Feinstein E. From working place and battlefield // Times literary supplement. 1985. 22 November; Figes O. Inside the mind of the silent majority // The Times. 1991, 22 August; Lauer R. Hitler als Vögelchen im Netz // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1985, 5 Januar; Leech-Ansprach G. Stalingrad in russischer Sicht // Die Welt am Sonntag. 1985, 6 October.

Имя было названо впервые на Франкфуртской книжной ярмарке 1984 года. В. Н. Войнович сообщил журналистам, что отправку романа через границу организовал сам, по собственной инициативе и безучастия соотечественников.

Насколько сведения точны – не обсуждалось тогда. И не только потому, что о помощниках на родине, если имелись, полагалось умолчать. Главным доказательством истинности версии стала репутация автора, не только писателя, но и правозащитника, вынужденного эмигрировать, а затем лишённого советского гражданства. В иностранной периодике и открытых письмах руководству СССР Войнович спорил с властью не просто смело – вызывающе дерзко. Свое выступление на Франкфуртской книжной ярмарке он затем опубликовал в «Посеве» – под заголовком «Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа»¹⁴.

Подробно историю романа описывал С. И. Липкин. В 1986 году американским издательством напечатаны его воспоминания – «Сталинград Василия Гроссмана»¹⁵.

Мемуары Липкина вызвали особый интерес еще и постольку, поскольку автор, довольно известный советский переводчик, не был эмигрантом. Он жил в Москве, но при этом рассказывал об изъятии романа сотрудниками КГБ, словно бы пренебрегая опасностью.

Если верить автору, книга воспоминаний завершена в 1984 году. Кроме прочего, там сообщается, что мемуарист наблюдал все этапы создания романа «Жизнь и судьба», потому что еще до войны стал ближайшим другом Гроссмана, от него и узнал о конфискации рукописей, но про утраченный экземпляр тогда речи не было. Соответственно, подчеркивалось: к заграничным изданиям Липкин непричастен.

В эмигрантской среде книга очень быстро завоевала популярность. Мемуарист рассказывал о встречах с литературными знаменитостями, например И. Э. Бабелем, М. А. Булгаковым, А. П. Платоновым, Б. А. Пильняком, М. И. Цветаевой.

В СССР мемуары с июня по июль 1988 года публиковал журнал «Литературное обозрение». Сокращенный вариант, зато с новым заглавием – «Жизнь и судьба Василия Гроссмана»¹⁶.

Это была еще и рекламная акция. Липкинские мемуары напоминали, что книгу Гроссмана с января по апрель 1988 года печатал журнал «Октябрь». Но и там об источнике текста сказано только, что «по случайно уцелевшему следу отбывший четверть века в заточении роман все-таки пришел сегодня к советскому читателю»¹⁷.

Какой именно «след» назван «случайно уцелевшим» – читателю оставалось лишь догадываться. Впрочем, литературоведы не обсуждали происхождение источника текста. Речь шла, главным образом, о победе над цензурой, одержанной редактором журнала «Октябрь».

Затем роман был выпущен московским издательством «Книжная палата». Источник, понятно, журнальная публикация¹⁸.

14 декабря 1988 года «Литературная газета» напечатала интервью с главным редактором «Книжной палаты» В. Т. Кабановым. Актуальность заголовком акцентировалась: «Рукою автора. Найден авторский текст романа Василия Гроссмана “Жизнь и судьба”»¹⁹.

Речь шла о рукописи, которая была неизвестна сотрудникам «Книжной палаты», когда они готовили выпуск первой книги. А «14 октября в издательство позвонил Федор Борисович Губер, сын вдовы Гроссмана Ольги Михайловны Губер, и сказал, что должен незамедлительно приехать по делу чрезвычайной важности».

¹⁴ Войнович В. Н. Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа // Посев. 1984. № 11. С. 53–55.

¹⁵ Липкин С. И. Сталинград Василия Гроссмана. Ann Arbor, 1986.

¹⁶ Липкин С. И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Литературное обозрение. 1988. № 6. С. 96–108; № 7. С. 98–109.

¹⁷ См.: Бочаров А. Г. Правое дело Василия Гроссмана // Октябрь. 1988. № 1. С. 128.

¹⁸ См.: Короткова-Гроссман Е. В. Жизнь и судьба книг Василия Гроссмана // Гроссман В. С. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1988. С. 5–13.

¹⁹ Кабанов В. Т. Рукою автора. Найден авторский текст романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Литературная газета. 1988. 14 дек.

Он и принес рукопись. Согласно Губеру – в пересказе Кабанова – ее Гроссман до обыска передал старому другу, а когда тот умер, переданное хранила вдова.

Загадочное же словосочетание «авторский текст романа» подразумевало, что прежде воспроизводились не сами рукописи, но копии, происхождение которых известно было не всем издателям. Соответственно, аутентичность источников сомнительна. Ну, а «найденный» экземпляр, еще не видели ни заграничные публикаторы, ни советские.

Так возникли новые вопросы – о происхождении всех прежних источников текста. Но сколько-нибудь внятных ответов не было. Более того, саму тему публикаторы обходили.

Ответы предложил Липкин. 5 мая 1989 года парижской газетой «Русская мысль» опубликована статья «Рукописи не горят. Как был спасен роман Василия Гроссмана “Жизнь и судьба”».

Это послесловие к напечатанной тремя годами ранее книге воспоминаний. Мемуарист заявил, что ранее ввел читателей в заблуждение, рассказав о своей непричастности к заграничным изданиям романа. На самом деле он, учитывая возможные последствия ознакомления с рукописью в редакции «Знамени», еще до обыска взял у Гроссмана один экземпляр – на хранение. А в 1974 году предложил организовать публикацию другу и соседу – Войновичу, уже имевшему «опыт печатания за рубежом».

Тот, если верить мемуаристу, согласие дал сразу. Но за помощью обратиться пришлось еще «к Е. Г. Боннэр и А. Д. Сахарову».

Подразумевалось, что опальный академик и его жена – всемирно знаменитые советские диссиденты – тоже имели немалый «опыт печатания за рубежом». В итоге роман, по словам Липкина, «вырвался из оков».

Если верить мемуаристу, инициатором первой советской публикации стал главный редактор «Октября» А. А. Ананьев. Известный прозаик, «ознакомившись с романом, увидел, что книга эта великая».

Мемуарист не сообщил, когда Ананьев «увидел, что книга эта великая». Равным образом, по мемуарам Липкина нельзя понять, ознакомился ли редактор «Октября» с рукописью или же читал лозаннское издание.

Липкин, по его же словам, не имел сведений о другом экземпляре, который был передан старому другу автора. Что и акцентировал: «Мне неизвестно, как и когда это произошло, Гроссман об этом мне не сказал – и правильно сделал. В те годы человек не должен был знать больше того, что ему знать полагалось».

Имелось в виду, что с «тех» лет ситуация принципиально иной стала. Весной 1989 года повсеместно обсуждались перемены в советской внешней и внутренней политике, эмблематизированные термином «перестройка». Ими, значит, была обусловлена возможность и опубликовать арестованный роман на родине автора, и рассказать в печати о «спасении».

Оставалось только неясным, почему Липкин, раз уж с «тех» лет ситуация принципиально изменилась, обратился в эмигрантскую прессу, минуя советскую. Но вопрос деактуализовался в 1990 году, когда мемуары вместе с послесловием выпустило московское издательство «Книга». Под уже известным заглавием – «Жизнь и судьба Василия Гроссмана»²⁰.

В новой редакции объединены «Сталинград Василия Гроссмана» и фрагмент, опубликованный «Русской мыслью». Более никаких добавлений, и по-прежнему не сказано, как была «спасена» повесть «Все течет...». Однако и этот вопрос деактуализовался в июне 1989 года, когда ее напечатал «Октябрь»²¹.

---

²⁰ Здесь и далее цит. по: Липкин С. И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана; Берзер А. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 3–120.

²¹ Гроссман В. С. Все течет... // Октябрь. 1989. № 6. С. 30–208.

Вскоре «Книжной палатой» выпущено еще одно издание конфискованного романа. Оно, если верить анонимному предисловию «От издательства», от предыдущих отличалось принципиально²².

Таким принципиальным отличием была текстологическая корректность. В предисловии указано, что впервые читателю предлагается, «наконец, выверенное по авторской рукописи **полное** издание второй части дилогии Вас. Гроссмана, роман “Жизнь и судьба”».

Характеризовались также источники текста. Их, согласно предисловию, два: «Черновик, хранившийся у старинного друга Вас. Гроссмана, Вячеслава Ивановича Лободы, принес в издательство сын недавно скончавшейся вдовы писателя, Ольги Михайловны Губер – Ф. Б. Губер. Рукопись была передана ему вдовой В. И. Лободы – Верой Ивановной Лобода. Беловик вручил сотрудникам издательства известный поэт и переводчик Семен Липкин, близкий друг Гроссмана».

Отсюда следовало, что и текстологические проблемы решены окончательно. Это мнение стало общепринятым. В дальнейшем единственным источником текста было издание, подготовленное «Книжной палатой» по рукописям, что предоставили вдова Лободы и Липкин.

---

²² Здесь и далее цит. по: От издательства // Гроссман В. С. Жизнь и судьба. М.: Изд-во «Книжная палата», 1989. С. 12–24.

Нерешенные проблемы

Для большинства читателей эмигрантской периодики литературная репутация Гроссмана оказалась спорной еще в 1970 году, после издания повести «Все течет...». Автора уже нельзя было признать исключительно советским писателем. Ну а мировая известность романа «Жизнь и судьба» подразумевала необходимость переосмысления всего литературного наследия Гроссмана. Об этом и спорили критики-эмигранты²³.

В СССР переосмысление иницировано было первым изданием романа. И тогда критики утверждали, что автор, верный учению В. И. Ленина, обличал в романе деспотизм И. В. Сталина. Лишь эту версию допускала цензура²⁴.

Отступление от канона шло поэтапно. Согласно мнению одних критиков, мировоззренческая эволюция писателя началась в 1956 году, после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, когда было объявлено о так называемом разоблачении культа личности Сталина. Другие утверждали, что мировоззрение Гроссмана гораздо раньше изменилось, и это почувствовали критики, бранившие в 1946 году пьесу «Если верить пифагорейцам». Ну а семь лет спустя погромная кампания в связи с романом «За правое дело» свидетельствовала, что изменения стали очевидными²⁵.

Спор об этапах прозрения все еще продолжается. Бесспорно же, что на исходе 1950-х годов у Гроссмана – четвертьвековой опыт советского литератора, работавшего в условиях жесткой предварительной цензуры. Значит, последствия мог бы и предвидеть, когда передавал рукопись в редакцию журнала «Знамя». Точнее, должен был последствия учитывать, если в романе обличал антисемитизм как элемент советской государственной политики. Но оказался недалновидным.

Однако два экземпляра рукописи он, не дожидаясь обыска, передал друзьям. Причем каждый из хранивших не знал, кому еще доверена тайна. Следовательно, Гроссман был сразу и наивен, и предусмотрителен, что странно.

Впрочем, странно не только это. Гроссман не был арестован, хотя его рукописи признали настолько опасными, что цензурный запрет сочли недостаточным: понадобилась конфискация, проведенная офицерами КГБ.

С конфискацией – тоже загадки. Нет сведений, что обыскивавшие, получив рукописи от Гроссмана, проверяли хоть как-нибудь, остались ли у него другие экземпляры. Значит, офицеры КГБ проявили не свойственные представителям этого ведомства доверчивость и недалновидность, а почему – мемуаристы не объясняли.

Однако недалновидным оказался и Гроссман. По крайней мере, в области планирования иностранных изданий.

Шесть лет минуло после смерти автора, когда за границей была издана крамольная повесть «Все течет...». Вряд ли Гроссман столь долгий срок планировал. А почему именно так получилось – нет объяснений.

Что до романа, то Гроссман, как явствует из воспоминаний Липкина, полагался на его помощь, но публикация романских глав началась лишь в 1975 году. Более десяти лет минуло после смерти автора. И опять непонятно, почему срок так долог.

---

²³ См., напр.: *Закс Б. Г.* Немного о Гроссмане // *Континент*. 1980. № 26. С. 352–264; *Эткинд Е. Г.* Двадцать лет спустя // *Время и мы*. 1979. № 45. С. 5–32; *Он же*. Советские табу // *Синтаксис*. 1981. № 9. С. 3–20; *Свицкий Г. Ц.* Восемь минут свободы // *Грани*. 1985. № 136. С. 295–305; *Косинский И.* Трава пробивает асфальт // *Континент*. 1986. № 48. С. 372–383.

²⁴ См., напр.: *Бочаров А. Г.* Часть правды – это не правда // *Октябрь*. 1988. № 4. С. 143–348.

²⁵ См., напр.: *Панков А.* Трагическое прозрение // *Литературная Россия*. 1988. 8 июля.; *Лобанов М. П.* Пути преображения // *Молодая гвардия*. 1989. № 6. С. 228–258.

Кстати, от начала журнальной публикации глав «Жизни и судьбы» до выхода первой книги в Лозанне еще пять лет минуло. Но тут мемуаристами предложены хоть какие-то объяснения. Речь шла о том, что в аспекте собственно литературного романа не заинтересовал издателей, а политической новизны там не было.

Первым такую версию предложил Липкин – в уже цитированном послесловии к своим мемуарам. Заявил не без пафоса: «Пять лет зарубежные издатели русской литературы отказывались опубликовать “Жизнь и судьбу”, как мне стало известно, потому что, по их мнению, роман о Второй мировой войне теперешним читателям будет неинтересен, а о лагерях уже написал Солженицын».

Что за доброты безуспешно хлопотали с 1975 года, какие «зарубежные издатели» гроссмановский роман «отказывались опубликовать», когда и откуда «стало известно» Липкину «их мнение» – не сообщалось. Разумеется, мемуарист, в отличие от историка литературы, не обязан сказанное аргументировать и ссылаться на источники приводимых сведений. Но без этого любая версия – беллетристика.

Отметим еще, что ни одно из существующих изданий романа «Жизнь и судьба» нельзя признать текстологически корректным, включая и выпущенное «Книжной палатой» в 1989 году.

Да, в редакционном предисловии сообщается, что публикацию готовили по рукописям Гроссмана – белой и черновой. Но там лишь пересказано суждение Липкина об экземпляре, переданном Лободу: «Я увидел этот черновик, густо исправленный хорошо знакомым мне мелким почерком. Сопоставление некоторых – на выбор – страниц с сохраненным мною беловиком, показывает, что черновик окончательный».

Именно Липкин и заявил, что Лободу достался черновик, по содержанию не отличавшийся от белой рукописи. Прав ли, нет ли, но это лишь суждение писателя, воспроизведенное редакцией «Книжной палаты». А текстологу, прежде чем такое сказать, нужно многое доказать. Выборочное «сопоставление» – не метод. Потому и результат нельзя считать аргументом.

Липкин, понятно, не текстолог. С него и спроса не было. А вот редакторы, готовившие новое издание, декларировали, что решают задачи текстологические. При этом в редакционном предисловии тоже нет развернутой аргументации. Значит, не похоже, чтобы получили читатели в 1989 году «выверенное по авторской рукописи **полное** издание».

Похоже это на редакторский произвол, узаконенный в СССР. Кстати, другие издательства тиражировали позже гроссмановский роман как по книжной публикации, так и по журнальной²⁶.

В общем, все перечисленные выше проблемы не решены. А еще, вопреки сложившемуся на исходе 1980-х годов мнению, нет ясности ни с отправкой, ни с доставкой повести и романа Гроссмана заграничным издателям. Свидетельства мемуаристов разрозненны и противоречивы.

Последнее, впрочем, относится не только к повести и роману. Биография автора загадочна в целом.

Судя по списку публикаций, Гроссман преуспевал. В периодике регулярно печатался, книги постоянно издавались. И вдруг – радикальное изменение: вполне благополучный советский классик стал автором романа, объявленного антисоветским.

Мемуаристы объясняли, что именно такой итог закономерен. Потому что Гроссман был чуть ли не всегда гонимым.

---

²⁶ См.: Кабанов В. Т. Рукою автора. Найден авторский текст романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Литературная газета. 1988. 14 дек.

Например, есть мнение, что еще с начала 1940-х годов Сталин невзлюбил Гроссмана. Трижды лично вычеркивал из уже подготовленных списков лауреатов Сталинской премии²⁷.

Есть мнение, что и преемник – Н. С. Хрущев – тоже невзлюбил опального писателя. Так и не стал тот лауреатом, хотя Сталинскую премию в Ленинскую переименовали²⁸.

Ну а после конфискации романа, согласно мнению ряда мемуаристов, Гроссман практически лишен был возможности печататься. От лютого безденежья редактурой зарабатывал²⁹.

Списку публикаций все это не соответствует. Но противоречия в источниках – не редкость. Станным может показаться, что их литературоведы игнорировали.

---

²⁷ См. подробнее: *Бит-Юнан Ю. Г., Фельдман Д. М.* Сталинские премии Василия Гроссмана: история с библиографией // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 186–224.

²⁸ См.: *Роскина Н. А.* Четыре главы. Из литературных воспоминаний. Paris, 1980. С. 108.

²⁹ Здесь и далее цит. по: *Берзер А. С.* Прощание // Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана; Берзер А. С. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 121–270.

Парадоксы историографии

О Гроссмане после издания арестованного романа очень много написано. Даже краткий обзор публикаций мог бы стать темой исследования.

Так, подробно изучалась поэтика гроссмановской прозы, идейные поиски автора и т. д. Однако результаты этих исследований не относятся непосредственно к биографии³⁰.

Весьма интересны результаты публицистического осмысления наследия Гроссмана в контексте политических реалий 1980–1990-х годов. Но это опять не относится непосредственно к биографии³¹.

Отметим, что задача описания и анализа опубликованных при жизни Гроссмана критических отзывов ставилась крайне редко. Ее обычно характеризовали как частную. А потому особенно важны работы исследователей, соотносивших реакцию критики с актуальным политическим контекстом.

Первым был А. Г. Бочаров. В 1970 году издательством «Советский писатель» выпущена его монография «Василий Гроссман. Критико-биографический очерк»³².

Цензурные условия тогда, понятно, жесточайшие. Однако именно Бочаров первым определил и канву биографических разысканий, и основные контрапункты критической рецепции гроссмановской прозы.

В 1988 году все части гроссмановского романа, публиковавшегося журналом «Октябрь», сопровождалась послесловиями Бочарова. Они – при явно публицистической направленности – содержали весьма ценный фактографический материал. Тем не менее автор вынужден был соблюдать цензурные требования³³.

Ситуация, обусловившая вмешательство КГБ и конфискацию рукописей Гроссмана, тогда обсуждалась тоже на уровне публицистики. Исключения крайне редки³⁴.

В 1990 году издательство «Советский писатель» выпустило новую монографию Бочарова, где суммировались результаты многолетних разысканий. Заглавие было изменено – «Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба»³⁵.

На этот раз подробно анализировались и отношения Гроссмана с писательской элитой СССР, и обстоятельства конфискации романа. Бочаров использовал не только материалы периодики, мемуаристику, но и документы из фондов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР.

Однако на исходе 1980-х годов, когда готовилось издание, цензуру еще не упразднили. Потому исследователь не мог опубликовать полностью все архивные документы, которыми пользовался. Ограничен был и на уровне интерпретаций.

---

³⁰ См., напр.: *Охтин В. Г.* О взаимодействии жанров прозы (творчество Вас. Гроссмана) // Вопросы истории и теории литературы. 1966. Вып. 2. С. 96–110; *Добренко Е. А.* Художественная идея и романная структура (Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба») // Художественный опыт советской литературы: стилевые и жанровые процессы. Свердловск, 1990. С. 95–106; *Фрадкина С. Я.* Толстовские традиции в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Проблемы типологии русской литературы XX века. Пермь, 1991. С. 119–137.

³¹ См., напр.: *Дедков И. А.* Жизнь против судьбы // Новый мир. 1988. № 11. С. 229–241; *Лазарев Л. И.* Дух свободы // Знамя. 1988. № 9. С. 218–229; *Аншинский Л. А.* Мирозданье Василия Гроссмана // Дружба народов. 1988. № 10. С. 253–263; *Лашин Б. М.* Идеи «открытого общества» в творчестве В. Гроссмана. М., 1997.

³² *Бочаров А. Г.* Василий Гроссман. Критико-биографический очерк. М., 1970.

³³ См., напр.: *Бочаров А. Г.* Болевые зоны // Октябрь. 1988. № 2. С. 104–105.

³⁴ См., напр.: *Фельдман Д. М.* До и после ареста. Судьба рукописи Василия Гроссмана // Литературная Россия. 1988. 11 нояб.

³⁵ *Бочаров А. Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М., 1990.

Советский политический контекст анализировал британский славист Ф. Эллис. В 1994 году оксфордское издательство выпустило его монографию «Василий Гроссман. Рождение и эволюция русского еретика»³⁶.

Анализу писательской биографии в политическом контексте посвящено и обстоятельное исследование, проведенное Н. Г. Елиной. В том же 1994 году иерусалимское издательство опубликовало ее книгу «Василий Гроссман»³⁷.

Вышла она согласно плану анонсированной серии «Евреи в мировой культуре», так что автор пытался создать биографию Гроссмана именно как еврейского писателя. Материал собран весьма интересный, а вот поставленная задача не решена. Да она вряд ли и разрешима.

Что до решения задач собственно биографических, то следует отметить работы американских исследователей Дж. Гаррарда и К. Гаррард. Прежде всего, опубликованную в 1996 году нью-йоркским издательством книгу «Кости Бердичева. Жизнь и судьба Василия Гроссмана»³⁸.

Гаррарды работали в советских архивах, кроме того, использовали свидетельства родственников и знакомых Гроссмана. Именно американскими исследователями создана наиболее фундированная биография, соотносимая с политическим контекстом и анализом критической рецепции.

С точки зрения анализа биографии в актуальном политическом контексте важны работы Б. Я. Фрезинского. Шесть лет назад в Москве опубликована его книга «Мозаика еврейских судеб». Тогда же – «Писатели и советские вожди: избранные сюжеты»³⁹.

Весьма интересны и работы Д. О. Клинг. Результаты их суммирует опубликованная московским издательством четыре года назад монография «Творчество В. Гроссмана 1940-х – 1960-х гг. в оценке отечественной и русской зарубежной критики»⁴⁰.

Однако выше уже отмечалось, что исследователи, за крайне редкими исключениями, не анализировали критически воспоминания о Гроссмане. Не ставили такую задачу. Потому как очень часто описания самих противоречий и попытки установить причину каждого из них рассматриваются в качестве личных обид, нанесенных мемуаристам.

Следует заранее оговорить: в данной работе воспоминания анализируются исключительно как источники – наряду с прочими. Характеристики мемуаристов не входят в задачу.

Наша задача – анализ феномена Гроссмана в биографическом и литературно-политическом контекстах. Для решения использованы как опубликованные, так и ранее не публиковавшиеся материалы.

Таким образом, вниманию читателей предлагается первая из двух книг, где решается эта задача. Работа над второй книгой завершается.

Желательно было бы обойтись «без гнева и пристрастия». Насколько это в принципе возможно.

---

³⁶ См.: *Ellis F. Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic.* Oxford, 1994.

³⁷ Здесь и далее см.: *Елина Н. Г. Василий Гроссман.* Иерусалим, 1994.

³⁸ См.: *Garrard J., Garrard C. The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman.* N.Y., 1996.

³⁹ См., напр.: *Фрезинский Б. Я. Мозаика еврейских судеб. XX век.* М., 2008; *Он же. Писатели советские вожди: избранные сюжеты 1919–1960 годов.* М., 2008.

⁴⁰ См.: *Клинг Д. О. Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики.* М., 2012.

Часть I. Дебют и репутация

Обозначенные лакуны

Выше отмечалось, что в гроссмановской биографии много загадок. И на ранних этапах – особенно.

Так, в статье Мунблита, подготовленной для КЛЭ, указаны лишь дата и место рождения Гроссмана, а далее сообщается, что почти четверть века спустя он стал «инженером-химиком». Где и когда получил среднее образование, раз уж в 1929 году завершил высшее, на какие средства до той поры жил – нет сведений.

Читатели, конечно, могли предположить, что Гроссмана содержали родственники. Но о семье тоже нет сведений, хотя в энциклопедиях обычно приводились характеристики «социального происхождения» советских литераторов, если их биографии соотносились и с досоветской эпохой. Сообразно принятому в Российской империи сословному делению указывалось, кем был отец – дворянином ли, купцом ли и т. п.

Мунблит не привел и такие сведения. Правда, его статья примечательна именно обилием умолчаний. Бочаров же в предисловии к опубликованной еще четверть века спустя книге, постулировал, что подобного рода приемы использовать не будет: «Когда я писал монографию о Гроссмане в 1970 году, на его имя еще падала тень от изъятия “антисоветского” романа “Жизнь и судьба”, и о многом пришлось сказать не в полную силу, как бы реабилитируя опального художника. Теперь эти препоны сняты и можно договорить то, что ранее подразумевалось»⁴¹.

Характерно, что Бочаровым в кавычки взято определение «антисоветский». Подразумевалось, что таким роман ошибочно признали раньше, а в 1988 году ошибка устранена, значит, Гроссман был и остается безоговорочно советским писателем. Это обязательная – даже на исходе 1980-х годов – уступка цензуре.

Начал Бочаров с описания детства Гроссмана. Сообщалось, что «Бердичев был при царской власти обычным заштатным городком в черте еврейской оседлости. В нем находились кожевенный и сахарный заводы и множество кустарных заведений по выделке и обработке кож. Бердичевские мягкие туфли славились даже в далеком Ташкенте».

Отметим, что словосочетание «заштатный городок» традиционно используется как синоним такого понятия, как «провинциальная глушь». Характеристика эмоциональная. Официально в Российской империи называли «заштатными» лишь такие города, которые не получили статус даже уездных, что к Бердичеву не относилось. Это административный центр Бердичевского уезда, в Киевскую губернию входившего. Кстати, еще и один из крупнейших тогда украинских торговых центров.

Но в «черте еврейской оседлости» Бердичев действительно был. Если терминологически корректно – «в черте постоянной еврейской оседлости».

Так в Российской империи официально именовались границы территории, вне которой евреям постоянно жить запрещалось. Точнее, не этническим евреям, а «лицам иудейского вероисповедания».

Этническая идентификация формально не имела значения, даже и не фиксировалась в документах. Статус определяла конфессиональная. Евреев постольку дискриминировали законодательно, поскольку их религией был иудаизм.

---

⁴¹ Здесь и далее цит. по: Бочаров А. Г. Указ. соч. С. 4–6.

На государственную службу их не допускали. Разумеется, кроме военной, предусмотренной законом о «всеобщей воинской повинности», но и там – без права на офицерский чин. А доступ к образованию ограничивался посредством так называемой процентной нормы – установленного заранее максимального количества «лиц иудейского вероисповедания» в каждом среднем и высшем учебном заведении. От трех процентов до десяти.

Характерно, что ограничения в правах, связанные с «иудейским вероисповеданием», не распространялись на караимов. Так что дискриминация евреев была и этнической.

Дискриминации конфессиональной можно было избежать, официально приняв крещение. Но тогда возникали другие трудности. Отречение, пусть и номинальное, от «веры предков» даже атеисты считали уступкой весьма унижительной. В еврейской среде так называемые выкресты изгоями становились. Исключения – редкость.

К тому же уступка клерикальному режиму не избавляла от неофициальной этнической дискриминации. Ее российское правительство обеспечивало средствами пропаганды. Распространялся так называемый еврейский миф, в соответствии с которым евреям имманентны алчность, трусость, лживость, порочность, они все органически не способны к физическому труду, военной службе, интересуется их лишь торгашество и т. д. Антисемитизм был частью государственной идеологии, что отражали и гимназические учебники истории, высмеянные русскими интеллектуалами. Дебаты по «еврейскому вопросу» – общее место в периодике начала XX века.

В ту пору сам топоним «Бердичев» был маркированным. Он стал уже своего рода символом «еврейского местечка» – городка в пресловутой черте оседлости. Часто упоминался и в так называемых еврейских анекдотах. Об этой специфике топонима писал, например, И. Г. Эренбург. С начала 1960-х годов публиковались книги его мемуаров – под общим заглавием «Люди, годы, жизнь»⁴².

Так, мемуарист привел написанную еще в досоветский период эпиграмму на себя и В. М. Инбер. Последняя строка – «Ни Москва, ни Петербург не заменят им Бердичева».

Не там оба родились, и об этом знал автор эпиграммы. Она была антисемитской: имелось в виду, что этническим евреям, пусть даже литераторам, чужда русская культура, и такой подтекст эмблематизировал топоним. Москва и Санкт-Петербург, значит, русские столицы, а Бердичев оказался еврейской.

Согласно официальной статистике, численность бердичевского населения тогда – более семидесяти тысяч. «Лица иудейского вероисповедания» составляли примерно восемьдесят процентов. Около восемнадцати – католики. Главным образом поляки. Ну, а православных, т. е. русских, украинцев, белорусов, – не более двух процентов.

Эту специфику Бочаров обозначил намеком. Отметил, словно бы мимоходом, что в городе «имелись собор, два костела, хоральная синагога и монастырь кармелитов, своими мощными стенами и узкими окошечками больше напоминавший крепость, чем божий дом. Кроме того, каждый ремесленный цех имел свою синагогу; всего их насчитывалось около сорока, размещались они в домах-мазанках».

Еврейских «ремесленных цехов», стало быть, «около сорока» – это для уездного города очень много. И синагог, разумеется. Даже если учесть, что они «размещались» в «домах-мазанках», похожих, значит, на деревенские хаты, где наружную штукатурку заменяла выкрашенная известкой глина.

Упоминание о «черте еврейской оседлости» и сведения о количестве синагог – знаки осведомленным современникам, умевшим читать между строк. Вопреки постулированному в предисловии тезису, Бочаров еще не имел возможности «договорить то, что раньше подразумевалось». Не мог, начиная книгу о Гроссмане, сказать прямо, что русский писатель, родившийся

---

⁴² Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 1961–1966.

в семье «лиц иудейского вероисповедания», был изначально, на законодательном уровне дискриминирован, как все его родственники и большинство населения родного города. Секретным, конечно, такое не считалось. Но коль скоро автор романа «Жизнь и судьба» обличал антисемитскую политику советского государства, параллели тут прогнозировались. Вот что цензура и пресекала – даже на исходе 1980-х годов. Любые ассоциации с «еврейской темой» традиционно минимизировались.

Однако Бочаров перехитрил цензоров. А после характеристики Бердичева привел сведения о родителях Гроссмана: «Отец его был инженер-химик, мать преподавала французский язык».

Источник не указан. Наиболее вероятно, что исследователь опирался не только на результаты архивного поиска, но и свидетельства родственников писателя. В первую очередь дочери – Е. В. Коротковой-Гроссман.

Однако сведения, приведенные Бочаровым, относятся лишь к образованию и роду деятельности родителей. А далее сказано: «До конца жизни Василий Семенович читал французских авторов в подлиннике, декламировал наизусть Мюссе, Мопассана, Доде».

Лакуна в характеристике родителей – очень важной с точки зрения биографии писателя – замаскирована эффектной деталью. Но из того, что сын «читал французских авторов в подлиннике», нельзя сделать вывод относительно сословия отца. В советской терминологии – «социального происхождения».

Мать, в соответствии с законами Российской империи, к сословию мужа тогда относилась. Измещанской ли она семьи или купеческой – непонятно. К тому же мала вероятность, чтобы в досоветском Бердичеве «преподавала французский язык» жена «инженера-химика». Не по статусу такое было, неприлично.

Зато из бочаровского описания следовало, что не рентой гроссмановские родители жили и не торговлей. По советской терминологии, относились к «трудовой интеллигенции».

Дефиниции подобного рода актуальны применительно к начальному этапу гроссмановской биографии. Потому что в 1920-е годы права советского гражданина зависели от «социального происхождения». Так, доступ к высшему образованию был ограничен для «выходцев из эксплуататорских классов».

Судя по сказанному Бочаровым, не сталкивался Гроссман с подобного рода ограничениями. Пусть так. Но относительно среднего образования сведения вовсе туманные: «В 1914 году родители отправили мальчика в киевское реальное училище, где он учился до 1919 года, а закончил обучение уже в Бердичеве, в единой трудовой школе».

Можно догадаться, почему Гроссман стал, как тогда говорили, «реалистом», а не гимназистом. По сравнению с классическими гимназиями программа реальных училищ в области естественно-научных дисциплин была значительно шире. Там получали среднее образование преимущественно будущие инженеры, техники и т. п. Значит, отец выбрал для сына свой путь, обеспечил возможность получить знания, необходимые, чтобы поступить, например, в Технологический институт.

Однако не объяснено, почему сын «инженера-химика» учился в Киеве именно «до 1919 года». Следовало отсюда, что реальное училище он все же не закончил. За три с половиной года – не успеть.

На самом деле Бочаров сказал, что мог – в конце 1980-х годов. Большого ему бы и не позволили: опять «еврейская тема». Но обо всем остальном могли соотечественники догадаться по контексту.

С февраля 1917 года, как известно, более не существовал режим самодержавия. Временное правительство удержалось до октября, затем – власть советская. А на Украине ситуация гораздо чаще менялась. Изменения же почти всегда сопровождались еврейскими погромами.

В Киеве императорских чиновников с марта 1917 года сменили комиссары Временного правительства. Затем управляли администраторы Украинской Центральной Рады, деклариовавшей создание Украинской Народной Республики. Она была признана европейскими правительствами, а восстание, инспирированное просоветскими организациями, подавлено. Вскоре город заняли советские войска, их вытеснили германские и австрийские. После чего Советская Россия, заключившая Брестский мир с недавними противниками, признала независимость Украины. Двух месяцев не прошло, как новоявленную державу возглавил гетман П. П. Скоропадский, в прошлом генерал императорской свиты. Наспех сформированные войсковые части другой украинской администрации – Директории – оставили Киев. А в декабре 1918 года он опять взят войсками под командованием С. В. Петлюры. И вновь начались еврейские погромы – в неслыханных ранее масштабах.

Осведомленные соотечественники Бочарова понимали: Гроссман вряд ли остался в петлюровском Киеве, если не уехал оттуда раньше. Для еврейского подростка опасность была слишком велика.

В Бердичев, стало быть, вернулся не позднее января 1919 года. Однако еще не мог там приступить к занятиям в «единой трудовой школе».

Декрет о ее создании Всероссийский центральный исполнительный комитет принял 1 октября 1918 года. Реформа образования была радикальной. Ликвидировались все прежние средние учебные заведения, а в новых отменялось деление на мужские и женские. Обязательным считалось получение школьниками элементарных профессиональных навыков – по различным специальностям. «Единая трудовая школа» стала двуступенчатой. Первая, она же начальная ступень – пятилетний курс для детей от восьми до тринадцати лет. Вторая соответственно четырехлетний. Там надлежало учиться подросткам от четырнадцати до семнадцати лет⁴³.

Провести такую реформу за три месяца было невозможно даже на территориях, постоянно контролировавшихся советским правительством, а Бердичев переходил из рук в руки до октября 1919 года. Да еще и с апреля по июнь 1920 года занят польскими войсками. Значит, у Гроссмана немного оставалось времени на обучение в ЕТШ. Бочаров же далее указал: «В 1921 году он поступил в Киевский институт народного образования, откуда два года спустя перевелся на химическое отделение физмата 1 Московского государственного университета».

Как известно, в столице тогда было два университета. Первый именовался раньше «императорским», второй был организован в 1918 году на основе Московских высших женских курсов и одиннадцать лет спустя разделен на три самостоятельных учреждения⁴⁴.

Упоминанием о «1 Московском государственном университете» акцентировано: «перевелся» будущий писатель в самое престижное высшее учебное заведение страны. Деталь эффектная. А в том, что двумя годами раньше стал, как тогда говорили, «вузовцем», нет вроде бы ничего примечательного. Хотя на самом деле – есть. Из всего сказанного Бочаровым следует, что Гроссман чуть ли не пятнадцатилетним успел и ЕТШ закончить, и в киевский институт поступить.

По контексту повествования не ясно, зачем понадобилось здесь маскировать необычную ситуацию эффектной деталью. А далее – опять загадка. Согласно Мунблиту, университет закончил Гроссман в 1929 году, что и Бочаров подтвердил. Значит, будущий писатель «вузовцем» оставался не менее восьми лет. А это почти вдвое дольше, чем тогда предусматривалось.

Какие-либо причины в книге Бочарова не указаны. Характеризуются только годы учения, причем весьма специфически. Например, отмечено, что семья Гроссмана «не обладала большим достатком, и юноше постоянно приходилось подрабатывать: учась в бердичевской школе,

---

⁴³ См. подробнее: Трудовая школа // Известия. 1918, 16 окт.

⁴⁴ См.: Кошмон Л. В., Сахаров А. М. Московский университет в советское время. М., 1967. С. 14–30.

был репетитором, в Москве – воспитателем трудовой колонии для беспризорников, ездил с экспедицией в Среднюю Азию и опять-таки давал уроки».

Вновь эффектные детали маскируют логическую уловку. Пусть Гроссман был и репетитором, и воспитателем, и сотрудником научной экспедиции, все равно отсюда не следует, что никогда его семья «не обладала большим достатком».

Например, средств хватало, чтобы платить за обучение сына в реальном училище. А потом началась гражданская война, большинство населения бедствовало. Многие вообще голодали – даже на Украине, ранее голода не знавшей. Ничего удивительного, если юноша искал заработок.

В 1921 году заканчивалась гражданская война, была декретирована так называемая новая экономическая политика, что подразумевало разрешение свободной торговли и т. п. А два года спустя, когда Гроссман в Москву «перевелся», там уже не голодали. И обучение государством субсидировалось: общежитие, стипендия. Хватало ее, правда, лишь «на пропитание». Значит, опять ничего удивительного, если «вузовец» изыскивал другие источники дохода.

Прагматика рассуждений о том, как «приходилось подрабатывать», ясна. Бочаров еще раз подчеркнул, что и родители будущего писателя «из трудовой интеллигенции», а не «эксплуататорских классов», и сам он трудился с юности. Таков своего рода биографический канон – для советских литераторов. Автор монографии вынужден был не слишком далеко от него отступать. По крайней мере, маскировать отступления.

Но риторическую установку он далее несколько дезавуировал. Словно бы мимоходом отмечено: «В бытность студентом Василий Семенович снимал вместе с товарищем еще по реальному училищу Леонидом Таратутой комнату в многолюдной квартире на Садово-Триумфальной».

Конечно, в общежитиях селили тесно, компанию выбирать не приходилось. И все-таки снимать комнату на Садово-Триумфальной улице – роскошь для «вузовцев». Даже если расходы пополам.

Финансовые возможности старых друзей различались. Вряд ли случайно Бочаров отметил: Таратура «был сыном старого революционера, директора фермы-совхоза в подмосковном Черкизове».

Совхозами или «советскими хозяйствами» именовали организованные на индустриальный манер сельские предприятия. Черкизовский директор – представитель местной административной элиты. Как тогда говорили, «ответственный работник».

Сын его, значит, мог рассчитывать на щедрую помощь, и долго ждать не приходилось – семья неподалеку. Инженерский же вынужден был сам оперативно изыскивать финансовые средства, однако не только «пропитания ради». Потребности росли – не хотел в общежитие вселяться. Это, надо полагать, Бочаров и подразумевал.

Уместно еще раз подчеркнуть: на исходе 1980-х годов Бочаров работал в условиях цензуры, потому некоторые проблемы лишь обозначал. На что и указывало название главы – «Пунктир биографии».

Семья и школа

Попыткам достоверно описать детство и юность Гроссмана препятствовала не только цензура. Аутентичные документальные свидетельства пока не обнаружены.

Однако в книге Гаррардов есть разгадки многих загадок. Прежде всего – относящихся к происхождению Гроссмана. Исследователи опирались главным образом на свидетельства дочери и ею предоставленные материалы семейного архива⁴⁵.

По словам Коротковой-Гроссман, родители отца – из довольно богатых купеческих семей. Оба учились за границей.

Разумеется, выбор иностранных учебных заведений обусловлен не только доходами обеих семей. На родине отцу Гроссмана «процентная норма» препятствовала. А матери доступ в университет был вообще закрыт: для женщин даже не «иудейского вероисповедания» предусматривались лишь различные курсы.

Кстати, получить высшее образование за границей – в Германии, Швейцарии, Франции – было немногим дороже, чем на родине. Если, конечно, не выбирать элитарные учебные заведения. Но дети богатых купцов могли себе и это позволить.

Мунблит знал или догадывался, что вопрос о «социальном происхождении» отнюдь не прост, вот его и «обошел молчанием» в энциклопедической статье. Бочаров же нужными сведениями располагал, только начинать с них биографию автора романа, недавно считавшегося антисоветским, не стоило – в конце 1980-х годов. Предсказуемы были интерпретации «классовой чуждости» Гроссмана как причины негативного отношения к советскому режиму.

Американские литературоведы, понятно, не обращали внимания на подобного рода факторы. В их книге акцентируется: «Гроссман, соответственно, происходил из тонкой прослойки евреев, которые составляли меньшинство в меньшинстве. Большинство евреев в Российской империи было бедным и религиозным. Родители же Гроссмана таковыми не были. Их искусственный секуляризованный взгляд на мир изолировал и на самом деле отчуждал их от конфессиональной и этнической идентичности, упорно навешиваемой на них, подобно ярлыку, русскими царями и православной церковью»⁴⁶.

Гаррарды сделали этот вывод, основываясь главным образом на мемуарных свидетельствах. Но стоит отметить, что в Российской империи «секуляризованный взгляд на мир» еще не «отчуждал» еврея от «конфессиональной и этнической идентичности». О них напоминали и черта оседлости, и процентная норма, и погромы, и откровенно антисемитские публикации в периодике, и многое другое. Впрочем, это вопрос личного восприятия. Далее же исследователями сказано, что отец Гроссмана «происходил из рода бессарабских купцов».

Родился он, согласно Гаррардам, в 1870 году. Его жена – годом позже. Семья отца в Бердичеве «вела обширную торговлю зерном». Предки же по материнской линии, носившие фамилию Витис, переехали из Литвы в Одессу несколькими поколениями ранее.

Гаррарды, ссылаясь на мемуарные свидетельства, акцентируют постоянно, что семья была секуляризованной. Так, родители «не интересовались ни иудаизмом, ни какой бы то ни было другой религией. Они говорили и читали по-русски – не на идиш».

Вполне допустимо, что иудаизмом «не интересовались» родители Гроссмана и в семейном обиходе идиш был заменен языком русской культуры. Однако в условиях Российской империи не могли они порвать все связи с еврейской общиной. Хотя бы потому, что браки «лиц иудейского вероисповедания», а также рождение детей оформлялись исключительно церковно.

---

⁴⁵ Garrard J., Garrard C. Op. cit. P. XIII–XXV.

⁴⁶ Garrard J., Garrard C. Op. cit. P. 36.

Кстати, отец писателя, каким бы ни был секуляризованным, не мог не знать и древнееврейский. Традицией предписывалось, чтобы мужчина умел читать Тору, за этим община следила, причем неимущим выделяла средства на обучение сыновей – с пяти-шести лет. Большинство посещало занятия в начальной еврейской религиозной школе – хедере. К детям из богатых семей преподаватель на дом приходил. Но учиться полагалось всем.

Принудительное религиозное образование нередко обуславливало результаты, обратные планировавшимся. Вот и Гаррарды, основываясь на свидетельствах дочери писателя, сообщают, что отец его примкнул к созданной в 1898 году Российской социал-демократической рабочей партии.

Объединившая российских последователей К. Маркса и Ф. Энгельса, она, понятно, создавалась и существовала в качестве антиправительственной организации. Соответственно, была нелегальной. Впрочем, как все партии тогда. Участие в ее деятельности могло бы, как минимум, стоить нескольких лет тюремного заключения или ссылки, но преуспевающего инженера это не остановило.

Довольно подробно о родителях Гроссмана рассказывала дочь писателя. И не только Гаррардам.

Наиболее последовательно сведения о семье изложены в ее интервью московскому еврейскому журналу «Лехаим». Оно было опубликовано в майском номере 2008 года под заголовком «Е. В. Короткова-Гроссман: “Из противостояния с системой мой отец вышел победителем”»⁴⁷.

По словам Коротковой-Гроссман, отец писателя стал социал-демократом еще в 1902 году. В 1903 году, когда партия разделилась на две фракции, примкнул к так называемым меньшевикам, хотя и сохранил дружеские отношения со многими большевиками. А с 1906 года вовсе от политической деятельности отошел.

В интервью дочь писателя указала также, что родители отца познакомились в Италии. Это была необычная история: «Семен Осипович увел жену от мужа. Бабушка первым браком была замужем за итальянским евреем».

При каких обстоятельствах и когда дочь российского купца познакомилась с «итальянским евреем» – не уточнено. Возможно, семейные предания не сохранили такие подробности.

Неизвестно также, когда и при каких обстоятельствах познакомились родители Гроссмана. Отец мог и работать за границей, и путешествовать, и отправиться туда, выполняя задание партии. В любом случае знакомство состоялось и «увод», по словам дочери писателя, оказался необходимостью: «Первый муж моей бабушки был ужасно ревнив, и ей пришлось буквально бежать от него».

История романтическая. Соответственно, журналистом был задан вопрос: «Брак родителей Василия Гроссмана был заключен под хупой?»

Речь шла о еврейском свадебном ритуале, обязательном при заключении конфессионального брака. Как известно, хупа – навес, укрепленный на четырех столбах, это символ дома, куда жених вводит невесту. И Короткова-Гроссман ответила, что в семье матери писателя «старинные обряды давно уже не соблюдались».

Аналогичные сведения получили и Гаррарды в начале 1990-х годов. Соответственно исследователями отмечено: «По сути, мы не можем сказать уверенно, что родители Гроссмана вообще были женаты. Тогда молодые люди, особенно те, кто учился за границей и участвовал в либеральных или радикальных движениях, зачастую принимали решение игнорировать такие “буржуазные” ритуалы, как брак».

---

⁴⁷ Здесь и далее цит.: *Короткова-Гроссман Е. В. Из противостояния с системой отец вышел победителем // Лехаим. 2008. № 5. С. 2–6.*

Отметим, что это – лишь интерпретация сказанного дочерью писателя. Непосредственно Короткова-Гроссман такое не говорила.

К началу XX века игнорировать «буржуазные» ритуалы» вряд ли удалось бы родителям Гроссмана даже и в европейских странах. Препятствовало бы социальное положение. Новый брак полагалось регистрировать – хотя бы светский.

В России же только конфессиональные браки регистрировались. И если бы родители игнорировали условности, то сын бы незаконнорожденным считался. Что подразумевало дополнительные ограничения в правах. У Гроссмана такого рода препятствий не было.

Значит, вернувшись в Российскую империю, родители получили – через синагогу и никак иначе – официальные документы, подтверждавшие заключение брака. Основанием могло стать и выданное за границей документальное свидетельство. Аналогично о рождении сына была внесена запись в метрическую книгу. Таковы правила.

Кстати, в интервью дочь писателя не выражала сомнений относительно заключения официального брака. Иное дело – еврейский ритуал: «Поколение моих дедушек и бабушек придерживалось атеистических взглядов, как многие интеллигенты той поры. Получив европейское образование, молодые люди отходили от старых обычаев, общаясь друг с другом, разговаривали уже не на идише, принимали вторые русские имена».

С учетом реалий эпохи, понятно, что «вторые русские имена» использовались на необходимом уровне. В официальных документах могли быть только еврейские – у «лиц иудейского вероисповедания».

Принято считать, что еще с досоветской поры отец Гроссмана именовался по документам Соломоном Иосифовичем, а в обиходе его называли Семеном Осиповичем. Но это лишь этапы приближения к русской традиции. В российской метрической книге должен был значиться как Шлойме, сын Йосефа.

Сыну, по традиции, дал имя своего умершего отца. Возможно, оно сразу было несколько русифицировано – такое к началу XX века уже случалось. В результате Йосеф стал Иосифом. К сожалению, проверить это нельзя: соответствующие материалы бердичевского архива не сохранились.

Мать Гроссмана – Екатерина Савельевна. Но это по советским документам. Еврейское имя указала дочь писателя в интервью журналу «Лехаим» – Малка. Отец же ее, скорее всего, в метрической книге значился как Зайвель⁴⁸.

Трудно судить, почему Малка назвала себя Екатериной. Созвучие тут не прослеживается. Разве что подразумевалось значение еврейского имени: «царица». Согласно интервью в журнале «Лехаим», ее сестры тоже носили имена российских императриц – Анна, Елизавета, Мария.

Если верить семейным преданиям, домашнее имя будущего писателя – Вася. Уменьшительное от Василий. Так, по одной из версий, называла его сестра матери. Возможно, что по созвучию с уменьшительным от Иосифа – Ося.

Зато в любом случае понятна хотя бы одна из причин, обусловившая выбор литературного псевдонима. Есть и документальное подтверждение. Как отмечено Гаррардами, сестра матери, которую в семье Гроссмана называли «тетя Анюта», подарила еще до Первой мировой войны племяннику фотографию, на которой были изображены они вдвоем. Дарственную надпись, сделанную на оборотной стороне, адресовала «бесенку Васеньке»⁴⁹.

Кстати, модифицирование имен – сообразно господствующей культурной традиции – явление достаточно распространенное. Так поступали не только евреи, да и не только в Российской империи.

---

⁴⁸ См. также: *Anissimov M. Vasili Grossman. Un écrivain de combat. Paris: Editions du Seuil. P. 35.*

⁴⁹ *Garrard J., Garrard C. Op. Cit. P. 56.*

Ну а в Российской империи отторжению еврейских традиций способствовали и бытовой антисемитизм, и государственный, что многими интеллектуалами рефлексировалось. Например, в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» приведены размышления одного из героев – подростка: «С тех пор как он себя помнил, он не переставал удивляться, как что при одинаковости рук и ног и общности языка и привычек можно быть не тем, что все, и притом чем-то таким, что нравится немногим и чего не любят? Он не мог понять положения, при котором, если ты хуже других, ты не можешь приложить усилий, чтобы исправиться и стать лучше. Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя?»⁵⁰.

Пастернак описал, в частности, ситуацию, определявшую – вне дома – быт носителя традиционного еврейского имени. «Безоружный вызов». Русификация – вариант своего рода социальной мимикрии. Однако стоит подчеркнуть, что родители Гроссмана не отреклись от «веры предков». Не отрекался и он.

Семья же фактически распалась вскоре после рождения Гроссмана. В интервью дочь писателя отметила: «Ни у бабушки, ни у деда больше не было детей. Не знаю, как долго Семен Осипович оставался в семье, кажется, он довольно быстро уехал, а бабушка с небольшими отлучками всю жизнь провела в Бердичеве. Трудно сказать, сколько длился их брак, потому что после разрыва у них сохранились дружеские, очень доверительные отношения. Шла непрерывная переписка, по тону ее трудно определить, писалось это мужу или бывшему мужу».

Сказано также о причинах, обусловивших распад семьи. По мнению дочери писателя, Гроссман-старший «вел кочевую жизнь: как горный инженер работал в Донбассе, как революционер организовывал и вел марксистские кружки, кроме того, был влюбчив. А бабушка с молодости сильно болела, часто ездила в Одессу, где лечилась в водолечебнице. Сопровождать деда она не могла, в тихом Бердичеве у родителей ей было лучше, чем в Донбассе среди угольной пыли... Но они всю жизнь, вплоть до гибели Екатерины Савельевны в 1941 году, переписывались, и нет даты, фиксирующей их разрыв».

Летом 1941 года Бердичев был захвачен войсками нацистской Германии, все еврейское население загнано в гетто и к осени уничтожено. Отец Гроссмана умер семнадцать лет спустя. Погибшей матери посвящен роман «Жизнь и судьба».

Еще пятилетним Гроссман, согласно Гаррардам, был увезен матерью за границу, там и учился. Бочаров о том не упомянул, хотя вряд ли не получил сведения от дочери писателя. Причины в данном случае угадываются. Биографическому канону такие подробности опять противоречили: не по доходам обычному инженеру длительный вояж сына и жены.

Уместно предположить, что вояж понадобился не только для лечения. Отъезд избавил Гроссмана от хедера. Такое в Бердичеве практически исключалось: пренебрежение религиозной традицией было бы воспринято как прямой вызов местной еврейской общине. В любом же европейском городе – вопрос личного выбора, не более.

Дочь писателя о вояже рассказала и в интервью журналу «Лехаим». Отвечая на вопрос о длительности бердичевского этапа отцовской биографии, отметила, что в родном городе «жил недолго. В пятилетнем возрасте Екатерина Савельевна повезла его за границу, какое-то время пробыли во Франции, а потом два года он учился в швейцарском лицее. В самом начале первой мировой войны отец поступил в пригготовительный класс Киевского реального училища».

Перевод в нейтральную Швейцарию финансовых средств из воюющих стран был все же затруднен, почему и пришлось вернуться домой. Однако лицей в жизни Гроссмана сыграл важную роль. Не только благодаря педагогическому дарованию матери он «читал французских авторов в подлиннике» и «декламировал наизусть». А еще – получил начальные знания в обла-

⁵⁰ См.: Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: Советский писатель, 1989. С. 29.

сти латыни и древнегреческого. И немецкий за границей же начал осваивать: в Швейцарии это один из государственных языков.

Правда, для поступления в реальное училище требовалось выдержать экзамен по русскому языку – диктант. Здесь недавний лицеист от российских сверстников-конкурентов отставал. Соответственно, был выбран именно приготовительный класс. Далее подразумевался общий шестилетний курс. Гроссман освоить его не успел – в силу причин, указанных выше.

Похоже, что три с половиной года мать Гроссмана снимала для сына и себя квартиру в Киеве. Вместе они, по словам дочери, в родной город вернулись. А там будущий писатель в гимназии учился.

Как минимум, поступил сразу в третий класс. Для этого требовались некоторые познания в области древних языков, но их бывший лицеист получил раньше. В Бердичеве же не только учился, еще и, по словам дочери, «время настало голодное – подрабатывал пильщиком дров».

Профессия тогда распространенная. Уголь и на Украине использовался редко, отопление дровяное. В каждом жилом доме – печь, а то и несколько, на заводах их множество, так что дрова нужны всюду и всегда. Заготовкой, транспортировкой и торговлей занимались артели, сформированные крестьянами либо горожанами. Разделение труда стабильное: одни, так называемые рубщики, валили окрестные леса и подводами в города доставляли бревна, там их другие, соответственно, пильщики, вручную – попарно – распиливали на поленья, которые затем продавали. Труд весьма тяжелый, зато востребованный. О репетиторских же доходах Гроссмана в Бердичеве, упомянутых Бочаровым, дочь не сообщила.

Но как бы ни зарабатывал Гроссман в голодное время, понятно, что бердичевскую гимназию он закончить не успел. И ЕТШ – вряд ли.

А потому несколько вопросов правомерны. Был ли, во-первых, у Гроссмана официальный документ, подтверждавший завершение курса ЕТШ? Во-вторых, как, вопреки ограничениям для «классово чуждых», сын «инженера-химика», купца по сословию, ухитрился стать «вузовцем»? А в-третьих, благодаря чему сумел это сделать в неполные шестнадцать лет? Такое случалось отнюдь не часто. В-четвертых, почему он «перевелся» из Киевского высшего института народного образования на физмат 1-го МГУ? Наконец, из-за чего общий срок обучения намного превысил официально предусмотренный?

Искусство обиняков и недомолвок

В принципе, ЕТШ закончить Гроссман сумел бы экстерном. Знаний у бывшего «реалиста» и гимназиста хватало, усидчивости тоже. Но преодолеть законодательно установленные ограничения для «классово чуждых» – задача гораздо более сложная.

Алгоритм ее решения можно установить по архивным материалам. Гроссман состоял в Союзе советских писателей, соответственно, его так называемое личное дело формировалось сотрудниками этой организации⁵¹.

Весьма интересна, к примеру, автобиография, датированная 9 мая 1952 года. Документ этот не раз публиковался исследователями, но критически осмыслен не был⁵².

Как водится, Гроссман сначала указал место и дату рождения. Далее, разуж автобиография с досоветской эпохой соотнесена, полагалось бы привести **точные** сведения о «социальном происхождении». Но они весьма невняты: «Отец мой, Семен Осипович Гроссман, по профессии инженер-химик, – в настоящее время живет в Москве, пенсионер. Мать моя, Екатерина Савельевна Гроссман, преподавательница французского языка. Она погибла во время войны, в сентябре 1941 г.».

Тут можно лишь догадываться о «социальном происхождении». Ситуация уже знакомая – по работам Бочарова. От прямого ответа Гроссман уклонился, и весьма умело. Если бы проверили, к примеру, в Министерстве государственной безопасности, выяснилось бы, что отец действительно «инженер-химик». И мать «преподавала иностранные языки», по крайней мере, в советскую эпоху. Только про сословную принадлежность сын умолчал. Не сообщил, что «из купцов».

Конечно, риск. Зато без проверки можно так понять сказанное в автобиографии, что родители – «из мещан». Как большинство еврейского населения Бердичева.

Сведения подобного рода Гроссман и приводил в официальных документах. Это подтверждается, в частности, материалами личного дела СП. Например, таким документом, как «Личная карточка члена Союза Советских Писателей СССР»⁵³.

Кстати, название организации, где состоял Гроссман, вовсе не тавтологично: ССП СССР подчинялись такие же объединения в каждой республике.

Пресловутая «личная карточка» – форма анкеты. Цитируемая тоже заполнена 9 мая 1952 года, и в графе «социальное происхождение» Гроссманом указано – «из мещан».

Да, в 1952 году уже не сыграли бы сколько-нибудь важной роли сведения о «классово чуждом» происхождении известного писателя. Не этого он и боялся. Тут возможна лишь одна причина: если ранее Гроссман в официальных документах неверно описывал сословную принадлежность родителей, так очередная автобиография не должна была от предшествующих отличаться. Значит, всегда скрывал, что тоже материалами личного дела подтверждается.

Далее в автобиографии – про образование. Гроссман указал: «Когда мне было 5 лет, я вместе с матерью поехал в Женеву (Швейцарию), прожил там до семилетнего возраста, учился в начальной школе».

Зачем Гроссман «поехал с матерью в Женеву» – не сообщается. И можно так истолковать, что для лечения, как многие другие российские подданные. В досоветскую эпоху на это вполне хватало жалованья «инженера-химика».

Пребывание за границей считалось, как известно, нежелательным – для советских граждан. Если в 1952 году известный писатель счел нужным сообщить о вояже, значит, ранее тоже

---

⁵¹ См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658.

⁵² Здесь и далее цит. по: Там же. Л. 9-об.-10-об.

⁵³ Здесь и далее цит. по: Там же. Л. 7–8-об.

умолчать не мог. Действительно, скрыть было бы трудно: Бердичев – небольшой город, семья инженера, да еще и богатого купеческого сына, у многих на виду.

Не случайно упомянута и «начальная школа». Там платить не нужно было – в Швейцарии. А вот лицейское образование стоило недешево. Если и жену содержать, так инженерского жалованья могло бы не хватить. Гроссман явно избегал дополнительных вопросов о семейных доходах. Потому и умолчал, что за границей жил не два года, а пять лет.

Однако проверить это не было тогда возможности. Да и в случае проверки сказанное про «начальную школу» трудно было бы истолковать как сознательную ложь. Гроссман и правда лишь в начальных лицейских классах учился. Уместно было бы лишь неточными считать предоставленные им сведения.

Далее же он сообщил о поступлении в Киевское реальное училище. Именно в подготовительный класс. Сведения точны. После чего – опять недомолвки. Согласно автобиографии, «в годы гражданской войны уехал с матерью в г. Бердичев, где учился и работал пильщиком дров».

Когда именно уехал из Киева – не сказано. По автобиографии нельзя установить, сколько классов реального училища окончил. Это можно считать и неумышленным умолчанием. А вот про бердичевскую гимназию, похоже, сознательно не сообщил. Конечно, в 1952 году подобного рода сведения уже не имели значения. Зато тремя десятилетиями ранее сотрудники Государственного Политического Управления, заменившего тогда печально знаменитую Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию, могли бы поинтересоваться, где и каким образом бывший «реалист» сумел получить необходимые гимназисту третьего класса знания латыни и древнегреческого. На самом деле – в лицее. Только сообщать об этом не стоило.

Наиболее важно здесь упоминание об источнике доходов Гроссмана в Бердичеве. Оно, разумеется, в автобиографию перешло из других аналогичных документов. Из тех, что заполнял еще в начале 1920-х годов. А зачем он сообщал тогда о рабочем прошлом – ясно из далее сказанного: «В 1921 году я поступил на подготовительный курс Киевского высшего института народного образования, где и проучился до 1923 г.».

Отсюда вроде бы следует, что на «подготовительном курсе» учился два года, а не один. И не объяснено почему. Но современники, знакомые с реальным контекстом, угадывали причину.

Учреждение, именуемое «подготовительным курсом», известно к началу 1920-х годов еще и как «Рабочий факультет». Сокращенно – рабфак.

К поступлению на первый курс вуза там готовили. Функции этого учреждения определены принятым 9 сентября 1919 года постановлением Народного комиссариата просвещения РСФСР «Об организации рабочих факультетов при университетах»⁵⁴.

Речь шла о пресловутом «классовом подходе» к образованию. Документ гласил: «В целях предоставления рабочим и крестьянам возможности фактически и широко использовать свое право поступления в высшие учебные заведения и принимая во внимание, что препятствием к такому использованию служит недостаточная подготовленность пролетарских масс к занятиям в стенах высшей школы, особенно по предметам точного знания (математике, физике, химии и др.), коллегия отдела высшей школы постановляет открыть при университетах Республики подготовительные курсы как автономные учебно-вспомогательные учреждения, имеющие целью подготовку в кратчайший срок рабочих и крестьян в высшую школу, присвоив им название “Рабочих факультетов”».

Учреждения подобного рода существовали и ранее, например при 1-м Московском государственном университете. Наркомпрос лишь заново регламентировал их деятельность, а

---

⁵⁴ См.: Постановление Народного комиссариата просвещения «Об организации рабочих факультетов при университетах» // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 11 сент.

заодно постановил создать аналогичные при каждом вузе. Документ гласил: «На курсы принимаются рабочие и крестьяне, представившие от фабричного комитета или коммунистической ячейки удостоверение в том, что принадлежат к классу рабочих или крестьян, не эксплуатируют чужого труда и что стоят на платформе Советской власти».

Срок подготовки на рабфаке устанавливался в зависимости от исходного уровня образования каждого из поступивших – до трех, а то и четырех лет. Его засчитывали в так называемый общий трудовой стаж. Рабфаковцы тоже получали государственную стипендию, им предоставлялись места в общежитиях. Закончившие, т. е. выпускные экзамены выдержавшие, зачислялись на вузовский первый курс вне конкурса.

Весьма существенные уточнения организационного характера были внесены Советом Народных Комиссаров РСФСР. 17 сентября 1920 года принят декрет «О рабочих факультетах»⁵⁵.

К биографии Гроссмана эти уточнения относились непосредственно. Декрет гласил: «На рабочие факультеты принимаются рабочие и крестьяне от 16-ти лет, делегированные производственными союзами, фабрично-заводскими комитетами, партийными отделами работы в деревне, волостными, уездными и губернскими исполнительными комитетами, а также поступающие добровольно при условии представления рекомендации от народных комиссариатов или их местных органов или от какой-либо из указанных выше организаций».

Гроссману особенно важно было снижение возрастного ценза для рабфаковцев – до шестнадцати лет. И, разумеется, право на рабфак поступить как делегату от «производственного союза». Так в 1920 году называли и профессиональное объединение всех сотрудников какого-либо предприятия, независимо от занимаемой должности, равным образом, работавших в артелях. Применительно к бердичевской ситуации – «лесозаготовительных».

С лета 1920 года Бердичев уже на бесспорно советской территории находился, и «лесозаготовительными» артелями, как везде, руководил Отдел коммунального хозяйства исполнительного комитета городского Совета. «Пильщик дров» – рабочая профессия. А рабочий с «трудовым стажем» не менее года получал тогда право на «подготовительный курс» поступать в любом вузе. Разумеется, предоставив администрации справку, оформленную соответствующим образом.

У Гроссмана она была. Иначе бы не поступил на рабфак.

Как получил – трудно судить. Возможно, сыграли роль давние партийные знакомства отца. Однако даже и детей старых знакомых функционеры не делегировали на рабфак без всяких оснований. Слишком опасно было – при элементарной проверке. Так что инженерский сын пилил дрова год, не меньше.

Да, по «социальному происхождению» он был «из купцов». В крайнем случае, отцовский статус могли бы характеризовать мягче: «служащий».

Только суть не менялась – на уровне ограничений, законодательно предусмотренных для «классово чуждых». А вот «социальное положение» сына вовсе иным стало. Он – *рабочий*. Справку получил, удостоверявшую, что в течение установленного срока физическим трудом зарабатывал. Да еще и коллективным. Что считалось главным – согласно декрету СНК. И Гроссман о работе «пильщиком дров» постольку упоминал в дальнейшем, поскольку это объясняло, почему оказался рабфаковцем.

Стоит подчеркнуть, что Гроссман весьма удачно выбрал и время, и место поступления. Вряд ли это случайностью можно считать. Киевский университет, некогда называвшийся императорским, в 1920 году расформирован, а на его базе создан Высший институт народного образования. Исключительно педагогическое учебное заведение, которому надлежало готовить специалистов для работы в ЕТШ. Более года уцелевшие прежние администраторы – вместе

---

⁵⁵ См.: Постановление Совета Народных Комиссаров о рабочих факультетах // Известия. 1920. 22 сент.

и в конфликтах с новыми – срочно комплектовали штаты преподавателей, распределяли учащихся по курсам, готовили учебные планы и программы соответствующих дисциплин, согласовывали расписания занятий. Ко всему прочему, следовало как можно скорее «доложить по начальству», что организован и рабфак. Однако «рабочих и крестьян», желавших поступить туда, нашлось поначалу немного. Потому администрации некогда и незачем было со всей тщательностью проверять документы бердичевского «пильщика дров».

Кстати, у будущих рабфаковцев администрация не требовала официальный документ, подтверждавший, что ими получено среднее образование. Рабфаки и создавались, чтобы помочь восполнить дефицит знаний. Потому неважно, закончил Гроссман ЕТШ экстерном или так и не доучился там. Школьное свидетельство ему не понадобилось.

Отметим также: если Гроссману к моменту поступления на рабфак не исполнилось шестнадцать лет, это не имело значения – в киевской ситуации 1921 года. Двумя-тремя месяцами, отделявшими претендентов от предусмотренного декретом СНК возраста, нередко пренебрегали. Безукоризненно соблюдался лишь один критерий приема. Социальный.

Таким образом, Гроссман выбрал Киевский высший институт народного образования не потому, что изначально собрался посвятить себя педагогической деятельности. Сын инженера ли, купца ли не мог бы сразу поступить в самый престижный вуз страны. Вот и нашел обходной путь – через рабфак.

Два года спустя «перевелся» в столичный вуз. На первый курс, как было положено закончившему рабфак. И получилось, что общий срок обучения значительно увеличился – с учетом рабфаковских лет. Но если бы кто захотел выяснить, законно ли инженерский сын получил льготы, гарантированные «рабочим и крестьянам», нашлось бы документальное подтверждение.

В начале 1940-х годов рабфаки повсеместно упразднены. Спустя еще дюжину лет, можно сказать, полузабытая реалья. Этим и воспользовался Гроссман.

Он вообще не употреблял в автобиографии термин «рабфак». Иначе пришлось бы прямо сказать, что сын инженера, прежде чем стать «вузовцем», обрел новый статус – *рабочий*. Тут потребовались бы объяснения, ведь чем больше подробностей, тем и вопросов больше.

В анкетах и автобиографиях Гроссман еще с 1920-х годов заменял нежелательный термин синонимичным, кстати, употребительным среди интеллектуалов: не «рабфак», но «подготовительный курс». Помнившие реалии ассоциировали этот синоним с характеристикой бердичевской юности – «был пильщиком дров» – тогда понятно, что стал рабочим, вот и воспользовался льготой, соответственно, учился еще два года до поступления в 1-й МГУ. Ну а прочие вовсе не обращали внимание на такие мелочи. Конечно, могли и присмотреться, если бы заподозрили что-нибудь незаконное. Значит, не подозревали.

Бочаров, разумеется, заметил, какой алгоритм выбрал Гроссман. Однако не анализировал. Возможно, чтобы не слишком далеко от биографического канона отступать. Или просто из деликатности не стал гроссмановские секреты раскрывать, объясняя, почему инженерский сын при составлении официальных документов неукоснительно придерживался главного принципа: не сказать бы лишнее о детстве и юности.

Мы не беремся судить, важны ли эти биографические подробности для осмысления «творческого развития», а также пресловутой мировоззренческой эволюции писателя. Существенно другое. В Российской империи Гроссман относился к дискриминируемой по конфессиональному признаку группе населения, а при советской власти его права вновь ограничились – «классово чуждый». Да, он ухитрился стать «вузовцем». И все равно о «социальном происхождении» умалчивал в документах. Значит, не был искренним.

Разумеется, Гроссман – не исключение. Такова специфика эпохи. Миллионы советских граждан не могли себе позволить искренность в отношениях с государством – когда речь шла о досоветской биографии.

Эпистолярная специфика

В автобиографии Гроссман счел нужным объяснить, на какие средства жил, пока учился. Мизерной вузовской стипендии едва хватало на полугодовое существование. Дополнительные источники финансирования подразумевались, вот и указал, что «пользовался материальной поддержкой родителей и частично зарабатывал сам: работал воспитателем в коммуне беспризорных детей, давал уроки».

Гроссман не только предупредил вопрос. Еще и акцентировал, что в университетские годы по-прежнему стремился жить своим трудом. Это уже социальная характеристика. Кстати, всем, кто получал стипендии, полагалось справки о любой оплачиваемой работе сдавать в деканат факультета. Хранились подобного рода материалы в так называемом личном деле «вузовца». Формировалось оно с момента поступления и закрывалось после выпуска или отчисления по каким-либо причинам. В общем, «трудовая деятельность» Гроссмана была документирована.

Что до «материальной поддержки», то помогал главным образом отец. С ним сын постоянно вел переписку. Материалы ее в значительной мере сохранились. Но прежде, чем перейти к анализу этих материалов, следует характеризовать особенности источниковедческого характера. Они главным образом относятся к семейной истории Гроссмана.

Еще будучи «вузовцем», Гроссман женился. Первый брак вскоре распался, и Бочаров о том упомянул, а в подробности вдаваться не стал. Вероятно, из деликатности. Отметил только, что уже после университета произошел «разрыв с женой, уехавшей с маленькой дочкой Катей в Киев».

С необходимостью отсюда только и следует, что Гроссман был женат. Однако не уяснить, где он познакомился с будущей женой, почему они затем разошлись и сколько лет исполнилось «маленькой дочке», когда мать увезла ее в Киев. Опять же лишь догадаться можно, почему именно туда.

В книге Гаррардов семейная история анализируется обстоятельно. Рассказывала о том и дочь писателя в цитированном выше интервью. По ее словам, родители в Киеве и познакомилась. Мать – Анна Петровна Мацук – тогда жила там постоянно, отец приехал учиться в 1921 году. Уже заканчивая университетский курс в Москве, очередной раз навестил старых друзей-киевлян, опять встретил повзрослевшую знакомую, тоже «вузовку». И вскоре женился.

Поселиться вместе «вузовцы» еще не могли. Гроссман жил в Москве, куда жена время от времени приезжала из Киева. В 1930 году родилась дочь. По ее воспоминаниям, брак распался в силу вполне обыденных причин – «молодые муж и жена обижались друг на друга из-за недостатка внимания».

Оба, значит, не виноваты. Так получилось. Развелись в 1933 году.

Вскоре бывшая жена Гроссмана опять замуж вышла. Дочь осталась у матери, с отцом виделась не часто, приезжала, главным образом, на каникулы – сначала школьные, затем вузовские. Разумеется, была и отцовская финансовая помощь.

Бочаров, в отличие от дочери писателя, обошелся минимумом сведений, необходимых для биографии Гроссмана. Что вполне объяснимо: эта семейная история весьма сложна, и анализировать ее вряд ли удалось бы, не задев самолюбие кого-либо из родственников или знакомых.

Отметим, что бывший донецкий инженер вновь женился три года спустя, когда переехал в Москву, и литературная карьера его стремительно развивалась. Но второй брак тоже распался, хотя и не так скоро. О чем и сообщила дочь писателя в интервью. Согласно ее мнению, вторая жена отца, при всех положительных чертах характера, «была властной и ревнивой. Да и

характер вспыльчивый. Это делало ее несправедливой и жесткой в отношении с родней мужа. Все это накапливалось...».

По словам дочери, после войны отец ушел и от второй жены. Она несколько раз пыталась восстановить семью, но в итоге не сумела. Правда, официально не развелись. Да и разъезд не был оформлен: муж снимал комнату. Уже в 1950-е годы – с помощью руководства ССП – удалось Гроссману получить еще одну квартиру, так называемый кабинет, где и жил. Можно сказать, что в этот период его жена – Екатерина Васильевна Заболоцкая. Она тогда ушла от мужа, поэта Николая Алексеевича Заболоцкого.

Гаррарды утверждают, что ее стараниями и сохранена многолетняя переписка Гроссмана с родителями. Оба берегли письма, но из адресованных матери лишь те уцелели, что она, в свою очередь, бывшему мужу отослала. У отца же осталось гораздо больше, и после смерти адресата их получил от родственников сын. В 1963 году он передал эти документы Заболоцкой.

В свою очередь Заболоцкая передала документы в ЦГАЛИ СССР, ныне – Российский государственный архив литературы и искусства. Там они и хранятся.

К перечню сбереженных документов Заболоцкая в феврале 1991 года подготовила предисловие. Не касаясь истории своих отношений с Гроссманом, она, прежде всего, отметила: «В 1963 году, подготавливаясь в Боткинской больнице на операцию по удалению почки, Василий Семенович передал мне пакет, завернутый в серую оберточную бумагу, перевязанную белым шнуром. Объяснил, что в пакете письма его мамы, Екатерины Савельевны, к его отцу, Семену Осиповичу. Просил хранить, а после его смерти уничтожить»⁵⁶.

Причина вроде бы ясна. Опасался, что умрет на операционном столе или вскоре, потому о документах и позаботился. Далее же Заболоцкая сообщила: «Прошли годы, как не стало Василия Семеновича. Мои годы тоже достаточно преклонны – пришло время выполнить обещанное. Но не легко поднять руку со спичкой, чтобы огонь уничтожил рукопись. За советом я обратилась к Семену Израилевичу Липкину. Он посоветовал, прежде, чем сжечь, прочитать письма и выписать из них строки, касающиеся литературной работы В. С. Гроссмана».

Вот тут ясности нет. Не исполнена последняя воля умершего, а причина не указана, словно дело обычное. И непонятно, какой именно срок подразумевает оборот «прошли годы». Аналогично не уяснить, почему Гроссман был так уверен, что ему переданы письма матери к отцу. Пусть и от родственников получил сведения, крайне мала вероятность, чтоб не взглянул сам.

Не более вероятно, чтобы и Заболоцкая не решилась за «годы» посмотреть на содержимое свертка. Если вообще не собиралась, то и хранить не имело смысла, уничтожила бы сразу.

Загадочен и совет Липкина. Допустим, «строки, касающиеся литературной работы» выписаны. Но мемуаристу либо исследователю ссылаться на выписки, объясняя, что намеренно уничтожены оригиналы, значит провоцировать сомнения в достоверности цитат.

Слишком много загадок. Но к их разгадкам уместно перейти позже. Заболоцкая же далее отметила, что вскрыла свертки и, «увидя знакомый почерк, была потрясена: это письма Василия Семеновича к Семену Осиповичу! Любовно собраны, без конвертов, все письма и значительные записки. Сжечь их я не смогла».

Таким образом, по словам Заболоцкой, материалы семейного архива были сохранены. Далее она пояснила: «Оправдываюсь перед Василием Семеновичем тем, что обещала сжечь письма Екатерины Савельевны, а оказались письма его».

Аргумент опять не убедительный. Но, вне зависимости от всех несуразностей, бесспорна аутентичность писем. Это ценнейший источник.

Согласно предисловию, сотрудниками ЦГАЛИ СССР изготовлены копии переданных документов – четыре комплекта. Для Заболоцкой, Коротковой-Гроссман, Липкина и Губера.

---

⁵⁶ Здесь и далее цит. по: РГАЛИ. Ф. 1710. Ед. хр. 64. Л. 1.

Указано, что некоторые письма копировать не удалось, но желающие могут ознакомиться с оригиналами.

В действительности Заболоцкая передала ЦГАЛИ СССР не все письма Гроссмана. Некоторые себе оставила, сняла дополнительно копии, а позже предоставила комплект Гаррардам. В свою очередь они подарили копии библиотеке Гарвардского университета. Насколько полным можно считать это собрание – другой вопрос.

Стоит подчеркнуть: в ЦГАЛИ СССР доступ к письмам был надолго ограничен. Дело не в произволе администрации – таковы установленные на государственном уровне правила хранения. Сначала полагалось завершить научное описание новых поступлений, а проводилось оно согласно плану, и очередь доходила, как минимум, через год. Лишь после этого исследователи могли ознакомиться с документами в читальном зале.

Правда, возникли новые ограничения. С 1992 года эти уже прошедшие научное описание документы оказались недоступными для историков литературы. Материалы личной переписки Гроссмана десять лет не выдавали в читальный зал. Они считались «закрытыми» – таково было требование Губера. Он воспользовался правом, которое руководство архива обычно предоставляет наследникам.

Губер с 1988 года публиковал в периодике материалы гроссмановского семейного архива, включая и документы, сохраненные Заболоцкой. На этой основе подготовлена в 2007 году вышедшая книга «Память и письма. Книга о Василии Гроссмане»⁵⁷.

Эдиционные принципы Губер сам и определил. Так, в книге оговорено: «О жизни Василия Гроссмана в Москве во время его учебы в Университете многое можно узнать из его переписки с отцом Семеном Осиповичем. Давая многочисленные цитаты из этих писем (также из других писем к отцу вплоть до 1940 г.), я не буду указывать адресата письма, а только указывать дату его отправления. Никаких орфографических исправлений в текст писем я не вносил, письма писались быстро, на одном дыхании, не рассматривались их автором как будущее эпистолярное наследие».

Правда, не всё напечатанное можно признать аутентичным. Да и проверить было сложно, как отметили Гаррарды, которые познакомились с публикатором, когда готовили монографию: «В работе над этой книгой нам помогали всем, чем могли все друзья и родственники Гроссмана, исключая лишь пасынка Гроссмана, Федора Губера, сына второй жены писателя».

Таково мнение исследователей. Гаррарды подчеркнули: уже в первую встречу, демонстрируя хранившиеся у него документы, «Губер настаивал, чтобы мы согласовывали с ним те части нашей работы, где мы бы использовали другие материалы, которые он еще мог бы нам продемонстрировать. Он также наотрез отказался предоставить нам доступ ко всем гроссмановским материалам, у него хранящимся. Поэтому мы так и не смогли прочитать письма Гроссмана Ольге Михайловне и даже письма, отправленные Гроссману его матерью, Екатериной Савельевной. Нам не позволено было ознакомиться и с книгами из личной библиотеки Гроссмана, что находится в квартире Губера».

Согласно Гаррардам, они тогда отвергли условия тотального контроля. Решили не пользоваться губеровскими материалами. Как сказано в книге, принято решение «после длительного и тягостного раздумья».

Характеристика, сформулированная Гаррардами, весьма резка. Но, подчеркнем, таково их мнение: «Губер издал часть материалов, находящихся у него. Однако эти публикации обрывочны, главная цель – изобразить мать, Ольгу Михайловну, в качестве героини всей жизни Гроссмана. Факты же свидетельствуют, что ситуация была гораздо более сложна».

---

⁵⁷ Здесь и далее цит. по: Губер Ф. Б. Память и письма. Книга о Василии Гроссмане. М., 2007.

Далее – подведение итогов. Гаррарды отметили, что сожалеют, если приведенные ими сведения из писем, сохраненных Заболоцкой, а также «интервью с друзьями и родными Гроссмана огорчат Федора Губера».

Какие именно сведения – оговорено. Гаррарды подчеркнули: «В первую очередь, относящиеся к натянутым отношениям Гроссмана и Ольги Михайловны. Гроссман свои проблемы описывал с предельной откровенностью. Создавать ложный образ его жизни и его эпохи теперь, когда факты известны, было бы нечестно и непростительно. Особенно если учесть, как пострадал Гроссман от советской власти и своего окружения, неустанно стараясь показать правду».

Если эмоциональные личные характеристики оставить за рамками анализа, можно признать: легенда о Гроссмане, точнее, гроссмановской биографии, создана к началу 1990-х годов стараниями ряда мемуаристов, и Губера в том числе. Именно легенда – совокупность признаваемых общеизвестными сведений, чья достоверность, вопреки очевидным противоречиям, не подвергается сомнениям.

Эта легенда в целом завершена. Она тиражируется в работах некоторых литературоведов. И Гаррарды, восстанавливая истину, вынуждены были и фиксировать противоречия, и объяснять причины их возникновения.

Вопрос о целях Губера – за рамками нашей работы. Публикации же его действительно «обрывочны».

Речь идет не о фрагментарности воспроизведения документов. Такой прием обычен. А вот зачем многократно нарушена хронологическая последовательность – не ясно. Равным образом не угадать критерий отбора самих фрагментов. Многие из них – с необозначенными купюрами. Публикатор словно бы и не заметил, что удалил слова или фразы. И остается лишь гадать, по какой причине он цитирует гроссмановские письма матери или второй отцовской жене – в качестве адресованных отцу.

Наконец, Губер не только цитировал с ошибками и сокращал без видимой причины. В ряде случаев еще и, скажем так, дополнял. К примеру, цитируя гроссмановскую автобиографию 1952 года, добавил туда несколько строк.

По указанным причинам мы не считаем аутентичными фрагменты, опубликованные Губером. Это относится, прежде всего, к материалам переписки Гроссмана со второй женой и ее сыновьями. Письма, конечно, позволили бы заполнить многие лакуны, однако доступа к оригиналам нет, а публикации не вызывают доверия. Сомнительно все – с авторства начиная.

Письма Гроссмана родственникам цитируются по материалам фонда, хранящегося в РГАЛИ. К этим документам сейчас есть доступ⁵⁸.

Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Разночтения, выявленные при сравнении материалов РГАЛИ с публикациями Губера, не оговариваются – кроме случаев, указанных в тексте.

---

⁵⁸ См.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 63–73.

На перепутье

Характерно, что большинство литературоведов, опубликовавших работы о Гроссмане, почти не уделило внимания университетскому периоду его жизни. Исключение – книга Гаррардов. Но в начале 1990-х годов еще не было возможности ввести в научный оборот некоторые из ныне доступных источников.

Отметим, что начало сохранившейся переписки – декабрь 1925 года. Мать Гроссмана жила по-прежнему в Бердичеве. Отец же работал в городе Сталине.

История этого топонима отражает специфику эпохи. До 1923 года официальное название города – Юзово. В просторечии, соответственно, Юзовка. Назван в честь основавшего там шахтерский поселок предпринимателя Джона Юза (Hughes). Затем появилось другое название – Троцк. В честь Л. Д. Троцкого, занимавшего пост народного комиссара по военным и морским делам СССР. Однако в 1924 году городской Совет утвердил очередное переименование – согласно фамилии генерального секретаря большевистской партии. На исходе 1920-х годов оно снова изменено. Уже не Сталин, а Сталино. Таким и оставалось до 1961 года. С тех пор – Донецк. Административный центр Донецкой области.

Гроссман-старший работал в учебной и научно-исследовательской организации – Сталинском институте рабочей медицины. Позже она была переименована в Донецкий областной институт гигиены и патологии труда.

Специализировался «инженер-химик» в области газоанализа. Это было особенно востребовано: где шахты, там и угольная пыль, ядовитые, а также взрывоопасные рудничные газы, их концентрацию нужно постоянно контролировать. Сына в Москве порою навещал, а летом 1925 года они вместе ездили в отпуск – на Черное море.

Почту в 1925 году доставляли отнюдь не бесперебойно. Так, сын 2 декабря сообщал: «Дорогой папа, получил сегодня твое второе письмо. Извини меня, действительно напрасно обвинял тебя в долгом молчании. Сам свинья. Меня очень огорчило твое здоровье».

Болезни отца были профессиональные, горняцкие. Один глаз поврежден еще в молодости, слух все хуже становился, что сына весьма беспокоило. Но помочь он не мог. О себе рассказывал: «Ты знаешь, теперь я доволен собой, работаю, много читаю (счастливая усталость после долгого безделья), и единственная тяжесть – это мамино здоровье».

Мать часто болела. И, похоже, не сообщала бывшему мужу о болезнях. Сын же с отцом медицинские проблемы обсуждал: «По-моему, ей следовало бы съездить в Киев, она посоветуется с врачами и немного развлечется от ужасной бердичевской обстановки. Когда я приезжаю на пару недель, я чувствую, как давит этот паршивый город. А ей там жить годы, да еще и прикованной к кровати. Тяжело».

Что до упомянутого ранее «долгого безделья» московского «вузовца», неизвестно, чем оно обуславливалось. Вероятно, речь шла о пренебрежении любой деятельностью, кроме учебных занятий. А причина – депрессия, постоянное чувство одиночества.

Затем настроение отчасти изменилось, Гроссман с увлечением и успехом работал в химической лаборатории, но удачливым себя не считал: «Полного, стопроцентного удовлетворения я не чувствую. Во всяком случае, мне теперь несравненно лучше, чем когда ты меня видел в свой приезд. Вообще, мне кажется, быть вполне удовлетворенным и счастливым может только дурак. Следовательно, я не дурак».

Меж тем осенне-зимний семестр в университете заканчивался. О планах своих Гроссман сообщил: «На Рождество, видно, послушаюсь твоего совета, поеду в Бердичев дней на 10–14».

Как следует из ранее сказанного, Бердичев сам по себе вряд ли привлекал «вузовца». Но там жила мать, ждали и другие родственники.

В переписке Гроссман-младший обсуждал свои университетские проблемы, рассказывал о московских новостях. По его словам, жизнь в столице оказалась чрезмерно беспокойной. С получением диплома будущий химик планировал уехать из Москвы и работать вместе с отцом.

На летние каникулы Гроссман иногда приезжал в Сталин. Не только для отдыха, еще и для лабораторной практики в отцовском институте. Бывал также в Бердичеве – у матери и ее родственников. Там, правда, лишь отдыхал.

В Сталин добраться не каждый раз удавалось. Так, 15 февраля 1927 года, отвечая на письмо отца, Гроссман сообщал: «Ты спрашиваешь, приеду ли на лето поработать к тебе? Ей-богу не знаю, как еще сложатся дела, может быть, у меня останется от занятий только месяца полтора, и мы вместе махнем куда-нибудь просто отдохнуть».

Московская командировка отца планировалась тогда весной. Гроссман ждал встречи, о себе же рассказывал: «Занимаюсь я теперь много, готовлю зачет по органической химии, это один из самых крупных экзаменов, занимает, по крайней мере, месяца 1^{1/2}. Развлекаюсь умеренно, был сегодня в Большом театре на “Сказании о граде Китеже” и чуть не погиб от тоски. Не понимаю оперы совершенно».

Командировки Гроссмана-старшего на предприятия области были довольно частыми. 8 октября сын ему сообщал: «Дорогой батюко, был очень рад получить твоё письма из Сталина. Завидую тебе, что ты завален работой, что начинаешь работать в шахтах (ты себе, вероятно, не завидуешь). Если мне удастся к Рождеству выкроить 2–3 недели, обязательно приеду в Донбасс».

Одна из постоянных тем в письмах к отцу – «квартирный вопрос». Население Москвы стремительно увеличивалось за счет тысяч и тысяч приезжих, и «вузовцу», не желавшему остаться в общежитии, приходилось выбирать загородные варианты. Гроссман о них сообщил в том же письме: «У меня хороших новостей нет, продолжаю искать комнату...»

Была возможность и не искать комнату за городом. Старшая двоюродная сестра, Надежда Моисеевна Алмаз, дочь Елизаветы Савельевны, жившая в Москве, часто приглашала поселиться у нее, о чем сын и сообщил отцу в том же письме.

Личное дело Алмаз хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории. Она, согласно анкете, была почти на восемь лет старше Гроссмана, родилась в Бердичеве, там же закончила коммерческое училище. Когда началась мировая война, стала сестрой милосердия, работала в различных госпиталях. Осенью 1916 года участвовала в деятельности социал-демократических организаций на Украине. Официальный большевистский стаж – с июля 1917 года. В гражданскую войну – на армейской партийной работе. Летом 1920 года переведена в Москву. Затем – ответственный секретарь редакционно-издательского отдела Всероссийского центрального совета профессиональных союзов. Работала также в редакции газеты «Профсоюзное движение»⁵⁹.

Она пыталась и продолжить образование, поступила во 2-й МГУ, но пришлось вернуться на партийно-профсоюзную работу. С июля 1925 года – референт и личный секретарь одного из руководителей Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных союзов – С. А. Лозовского.

Сообразно партийному статусу, получила достаточно просторную московскую квартиру, где она и муж жили с 1924 года. Там нашлось бы место и кузену, тем более что он был частым гостем. Однако Гроссман переехать отказывался.

Другая постоянная тема переписки с отцом – совершенствование профессиональных навыков. Гроссман отметил: меняются его планы, связанные с университетской лабораторией,

---

⁵⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 107. Учетно-партийная документация [Алмаз Н.М.] См. также: Там же. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1370. Л. 69–72.

так как «в этом месяце не попаду в нее, вероятно, только в середине ноября или даже в декабре, меня это не очень беспокоит, работы хватит – буду прорабатывать технический анализ».

Впрочем, к октябрю 1927 году «вузовец» более не увлечен химией. О чем и сообщил тогда же: «Батько, я подумал о том, как незаметно во мне произошла большая ломка – ведь почти с 14 лет до 20 я был страстным поклонником точных наук и ничем решительно, кроме этих наук, не интересовался и свою дальнейшую жизнь мыслил только как научную работу. Теперь ведь у меня совершенно не то. Если быть совершенно откровенным, то на месте старых разрушенных “идеалов” я не воздвиг ничего определенного, во всяком случае, мои интересы перенеслись на вопросы социальные, и мне кажется, что в этой области я буду строить свою жизнь, работать на этом “подприще” (sic! Ю. Б.-Ю., Д. Ф.)».

Гроссман, понятно, знал, как пишется слово «поприще». В шутку использовал «народную этимологию», акцентируя, что профессия химика уже не увлекает.

Отсюда, правда, не следует, что успел выбрать другую, причем вполне конкретную профессию. Напротив, планировал использовать ранее выбранную, только уже на прикладном уровне, готовясь к переменам: «Химик из меня, безусловно, выйдет не блестящий; конечно, я свободно справлюсь с текущей работой на производстве, хватит и умения, и знаний, но химик – двигатель науки, исследователь, это, мне кажется, не по мне».

10 октября он вновь сообщал о бытовых условиях. Точнее, возможности их улучшить: «Дорогой батько, пишу пару слов, так сказать, по делу. А дело вот в чем. Я нашел комнату за городом за 25 р[ублей] (с отоплением и всякой штукой), комната не ахти, но есть 4 стены, пол и потолок, семья тихая, так что можно будет заниматься без помехи, а это самое важное для меня».

Двадцать пять рублей для «вузовца» – сумма значительная. И похоже, собирался жить не один. Что и обозначил шутливым намеком, имитируя хорошо отцу известный – по литературным образцам рубежа XIX–XX веков – стиль писем купеческого сына, заискивающего перед «отцом-самодуром». Указал, что «необходимы некоторые расходы для организации постели и прочих элементов семейного уюта, посему слезно прошу Вас, папаша, не откажите мне в моей просьбе и вышлите 20 р. ассигнациями, как положение мое бедственное, и я безработный до мозга костей».

Квартиру пришлось еще менять не раз, а был ли «семейный уют» создан в октябре 1927 года, и если да, то надолго ли – судить трудно. Сведений в письмах отцу нет.

Однако позже к самой теме «семейного уюта» Гроссман вернулся. Так, 22 января 1928 года сообщил: «Ну вот, батько, ты просил меня написать тебе по этому поводу, и написать, ну, о моих «киевских похождениях», как ты выражаешься, могу сообщить: если будет на то воля Аллаха, то, по-видимому, я женюсь, если не сейчас, то через год; нравится мне мой предмет очень (“влюблен” я стесняюсь писать), скучаю по нем смертельно, взаимностью полной я пользуюсь; кажется, эти условия на языке математиков “необходимы и достаточны” для женитьбы. Ну вот, пожалуй, и все об этом. Как-нибудь напишу подробнее (если интересуешься), а теперь чего-то не хочется».

Речь шла об А. П. Мацук. Дома ее именовали на украинский манер, Ганной, а чаще Галей. Так она и названа в письмах будущего мужа.

Кстати, в публикациях Губера первая жена Гроссмана названа Галиной Петровной. Вероятно, публикатор решил, что Галя – уменьшительное имя, вот и указал то, которое считал полным.

К теме брака Гроссман возвращался редко. О деятельности же «социальной» упоминания часты. По мнению Гаррардов, влияние Алмаз оказалось тут едва ли не решающим фактором. Лозовский, ее непосредственный начальник, с 1921 года стал генеральным секретарем так называемого Профинтерна – Красного интернационала профессиональных союзов.

Как известно, эта международная организация, созданная летом 1921 года в Москве, объединяла иностранные профсоюзы, декларировавшие цели не только экономического, но и политического характера. Что с необходимостью подразумевало сотрудничество с Коммунистическим интернационалом – так называемым Коминтерном.

Американские исследователи подчеркивают, что благодаря кухне Гроссман не только увлекся социальной проблематикой, но и планы на будущее строил иные, нежели раньше, до приезда в Москву.

Планы, а также возможные препятствия обсуждал с отцом. В том же письме 22 января 1928 года сказано: «Ты спрашиваешь, как я мыслю себе общественную работу. Господи Иисусе, всякая работа есть общественная, если объектом работы являются не только колбы и бюретки».

Так называемая общественная работа или общественная нагрузка была обязательным элементом жизни каждого «вузовца». Прежде всего, это выполнение различных поручений факультетской организации Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи – комсомола. Поручений главным образом агитационно-пропагандистского характера. От них уклониться не могли даже не ставшие комсомольцами. Гроссман, конечно, не пытался, что и подчеркнул в письме. Но отец на другое намекал.

Имелась в виду перспектива карьеры в комсомоле, хотя бы и на уровне низовом. Без этого доступ к «социальной» деятельности был фактически закрыт – в университете.

Гроссман, судя по официальным документам и письмам, комсомольцем не был. Среди рабфаковцев такое – редкость. Но и причина очевидна. Вступление в комсомол подразумевало дополнительную проверку биографических данных, и тогда могло бы выясниться, что о «социальном происхождении» в анкете «вузовца» сказано невнятно.

Отец и сын понимали друг друга с полупамятки. И Гроссман-младший вновь отметил, что профессию до поры менять не намерен: «Ты говоришь о хлебе насущном, ведь я учусь “на химика” и буду работать как химик (вероятнее всего)».

Соответственно, университетское образование должно было обеспечить «хлеб насущный» – в период подготовки к деятельности «социальной». Это вновь акцентировалось: «Я только хочу сказать, что химия для меня не является целью главной и единственной».

Далее сын конкретизировал область новых интересов. Указано было, что всего более привлекают «два вида деятельности: политическая и литературная (их можно совместить)».

Речь шла о журналистике. Но там период «штурма и натиска», начавшийся в гражданскую войну, давно закончился, новая иерархия уже сформировалась, и Гроссман отметил: «Я прекрасно знаю, что явись я сейчас в ЦК ВКП [(б)] или в редакцию толстого журнала и предложи свои услуги, то мне предложат закрыть дверь за собой с наружной стороны».

Следовало другие пути искать. Почему и деятельность журналиста, подчеркнул Гроссман, только «перспектива, так сказать, цель, и думаю, что в своей повседневной работе мне постепенно удастся приблизиться и приобщиться к этой работе. Ведь все впереди, ты это сам говоришь. Из этого не следует, что надо сидеть, сложа руки, потому что не успею оглянуться, как все будет позади. Время – это самый коварный зверь; с ним шутить опасно. Рассуждаю я как змий мудро и рассудительно, но, откровенно говоря, в моем нынешнем “бедственном” положении на меня иногда нападает такая тоска и черное безразличие ко всему, что вешаться впору. Но ничего, надеюсь увидеть более светлые, осмысленные дни».

Обсуждались и новости семейные. Гроссман сообщил: «Ты спрашиваешь о маме. Мама физически чувствует себя хорошо (сравнительно конечно), нога почти не бунтует, почки не дуе же важно; душевное состояние у нее скверное – очень уж одиноко и тоскливо жить в Бердичеве; я тайком удивился ее мужеству – в такой неприглядной обстановке сохранить бодрость, живую душу, регулярно заниматься с учениками, массу читать, не опускаться и крепко удерживать себя в руках – это очень, очень много. И так жить могут люди с большой внутренней жизнью, большой силой души».

Болел и отец. К советам врачей он весьма скептически относился, что сына тревожило: «Батько, а касательно того, что доктора тебе категорически запретили работать в шахтах, то, ей-богу, нельзя к этому подходить с наплевательской точки зрения. Нельзя значит нельзя. Либо передай эту работу помощнику, либо, если это никак невозможно, то вообще оставь эту работу. Ты пишешь, что у тебя “другого выхода нет”, но ведь спускаться в шахты, когда это смерти подобно, меньше всего похоже на выход. Тогда, по моему мнению, не надо откладывать на осень покинуть Сталин, а осуществить это сейчас. И еще, дорогой мой, я хочу сказать тебе, что если в твоём желании остаться в Сталине до осени хоть какую-либо роль играет мысль о том, что ты не сможешь, уехав, помогать мне, то я категорически против этого. Этого ни в коем случае не должно быть. Плавать я немного умею и безусловно не утону, а если малость хлебну соленой водички, то ничего кроме большой пользы из этого не извлеку. Чуешь, батько?»

Гроссман-старший мог бы сменить место работы, даже и в столицу переехать. Его ценили. Но жалованье донбасского горняка намного превосходило то, что предложили бы в Москве. Потому и не спешил он с переездом.

Судя по цитируемому письму, отец все же собирался в столицу съездить. Для начала – договориться о новой работе. Сын ждал его буквально через неделю-другую, предлагал в своей комнате поселиться.

Чем тогда завершились отцовские переговоры – неизвестно. Вскоре он в Сталин вернулся, и 30 марта сын отправил письмо, где спрашивал: «Что с шахтами, начали работать уже? Смотри же, не лазь в них без крайней нужды, пускай молодые “лазаютъ” (sic! – Ю. Б.-Ю., Д. Ф). Напиши мне обязательно поскорей».

О своих новостях тоже рассказал. Стараниями Алмаз он был привлечен к деятельности Профинтерна, даже присутствовал в качестве технического сотрудника на 4-м профинтерновском международном конгрессе, который начался 17 марта 1928 года.

Поручали «вузовцу» обработку документации. С этой задачей вполне справился, о чем и сообщил не безгордости: «Надина комната превратилась в настоящее советское учреждение. 2 машинистки трещали с утра до вечера, и я – как управ[ляющий] дел[ами] – важно диктовал им. Вчера, слава богу, закончили. Вышло почти 70 страниц».

Обработанную документацию Алмаз передала заказчикам из Коммунистической академии. Тогда это и вуз, и научно-исследовательское учреждение, объединявшее несколько институтов. По словам Гроссмана, «начальство сей труд одобрило. Будем денежки скоро считать. Возможно, что на днях будет еще одна работа».

Гроссман обозначил выбранный путь. Для начала – сотрудничество с изданиями Профинтерна, затем и литература. Описан и досуг: «Вчера пошел (по собственной инициативе) в театр – “Горе уму”».

Речь идет о на шумевшей тогда постановке комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» в театре В. Э. Мейерхольда. «Вузовец» не одобрил новации модного режиссера, о чем и сообщил, имплицитно ссылаясь на рассказ А. П. Чехова «Архиерей»: «Скажу, как отец-эконом говорил – не ндравится мне это, не ндравится»⁶⁰.

Цитата указывала, что мнение, возможно, обусловлено консервативностью. Однако и выражено было оно недвусмысленно: «К чему дурацкая символика и искусственные конструкции. – Не ндравится».

Согласно письму, Гроссман собирался и спектакли мейерхольдовских антагонистов посмотреть – в Московском художественном академическом театре. О новом увлечении отцу сообщил опять не без иронии: «Ведь я решил стать театралом».

Увлечись театром и «социальными» задачами, «вузовец» пренебрегал учебными занятиями. О том отцу и сообщил, добавив, однако, что вновь приступил к учебе. Но более инте-

⁶⁰ Ср.: Чехов А. П. Архиерей // Чехов А. П. ПСС. Т. 10. М.: Наука, 1977. С. 190.

ресовали его летние планы: «Да, батько, мне предложили замечательнейшую вещь – на два месяца поехать в самые заброшенные углы Туркестана – почти на отрогах Памирских гор».

Туркестаном в ту пору традиционно именовали территории Узбекистана, Туркмении, Казахстана и Киргизии. Готовилась профинтерновская экспедиция социологического характера, и Гроссмана в ее состав могли включить – по ходатайству влиятельной кузины: «Если дело выгорит, я поеду, чего там, – ведь такой случай может наклюнуться разв 100 лет».

Заманчивым было не только путешествие. Главное, можно сказать, подступы к журналистике. Восточная тематика считалась тогда актуальной. Пропагандистская установка – «социалистическое преобразование Востока».

Журналистика, правда, была очень дальней перспективой. Гроссман все еще снимал комнату в подмосковном дачном поселке, до университета и обратно добираясь, тратил ежедневно по несколько часов. О чем и рассказывал отцу: «А в Вешняках моих снег, сосны и тишина, в этом тоже большая прелесть, очень большая, и все ж таки очень утомительна эта езда взад и вперед. Ну, ладно, посмотрим».

У второй ступени

Лейтмотив гроссмановских писем из Москвы – одиночество. Конечно, встречался с московскими и киевскими друзьями, круг постоянного общения давно сформировался. Нередкими были и дружеские застолья – в пивных или домашней обстановке, что, кстати, отца беспокоило. Объективно Гроссман не был одинок. Но таково его настроение, точнее, мироощущение.

Похоже, что обсуждать подобного рода проблемы он мог лишь с отцом. Так, 12 марта 1928 года рассказывал: «Дорогой батюшко, получил твое письмо. Прежде всего большое спасибо за те строки любви, что ты написал мне. Дорогой мой, я не умею выразить своих чувств, но когда я прочел твое письмо, сидя у себя в Вешняках, то вдруг заплакал как дурак. Почему? Я не знаю, может быть, так битая собака скулит, когда ее кто-нибудь погладит. Это преувеличение – я не битая собака, конечно, – но ты прав, мне порядком холодно жить на этом свете. Не знаю отчего, но во мне нет ощущения радости жизни».

О причинах сведений нет. Гроссман лишь описывал свои повседневные впечатления: «Пожалуй, единственное, что я воспринимаю остро и полно – это природу и тяжелый человеческий труд. Ей-богу, люди очень несчастны. Я ехал сегодня поездом домой – вагон набит рабочими, все кошмарно пьяны (скоро пасха); поглядел я на старика одного – он пел что-то высоким тонким голосом, “веселился”, лицо изъедено заводской пылью, глаза мутные, неподвижные, как у мертвеца (пьян), и стало мне чертовски тяжело – жизнь течет в тяжелых буднях изнурительного труда, а приходит праздник, которого ждут целый год – пасха, и люди веселятся в истерическом пьяном чаду; от веселья ходят неделю хмурыми, больными, а потом опять ждут праздника. Горький часто говорит – “людей жалко”. Действительно, жалко людей...»

Фразы подобного рода и впрямь нередки в прозе и пьесах Горького. Возможно, Гроссман цитирует реплику персонажа из рассказа «Испытатели»: «Людей жалко, по причине брошенности их, и жить мне – скушно»⁶¹.

Также не исключено, что это аллюзия на суждения одного из героев пьесы «Чудаки». С гроссмановскими они сходны отчасти: «Мне просто до боли жалко людей, которые не видят в жизни хорошего, красивого, не верят в завтрашний день... Я ведь вижу грязь, пошлость, жестокость, вижу глупость людей, – всё это не нужно мне! Это возбуждает у меня отвращение... но – я же не сатирик! Есть ещё что-то – робкие побегии нового, истинно человеческого, красивого, – это мне дорого, близко... имею я право указать людям на то, что люблю, во что верю? Разве это ложь?»⁶².

Впрочем, описание собственного мироощущения – лишь одна из тем письма. Далее Гроссман сообщил, что ему разрешено участвовать в экспедиции, отъезд 2 мая 1928 года, ежемесячное жалованье – шестьдесят рублей, а «проезд, конечно, на казенный счет».

Программа намечалась обширная. Гроссман сообщал отцу: «Работа будет очень интересная – обследование экономических, культурных, бытовых условий местного населения. Кроме того, будем знакомиться с тамошней нефтяной, шелковой, хлопковой промышленностью, вероятно, посетим знаменитые радиевые прииски. Это, так сказать, сторона поездки “серьезная”. А “не серьезная” меня тоже очень интересует, говорят, в мае месяце степь цветет – вся покрыта красными тюльпанами, в июне она превращается в пустыню – солнце выжигает. Наверное, чудесное зрелище – цветущая пустыня. И звезды там, наверное, не такие, как у нас.

⁶¹ См., напр.: Горький М. Испытатели // Горький М. ПСС. Т. 15. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 250.

⁶² См., напр.: Там же. Т. 12. С. 103.

В общем, я очень доволен, что еду. Боюсь только, а вдруг в последнюю минуту выйдет заминка и дело расстроится».

Майский отъезд университетские занятия исключал. Значит, обязательную для химиков лабораторную практику, обычно на конец весеннего семестра назначавшуюся, удалось бы только в следующем учебном году пройти, что отец понимал. И Гроссман его успокаивал: «Теперь относительно лабораторий – я место за собой зафиксирую, так что задержки у меня не будет осенью, потеряю только эти два месяца. Но, ей-богу, мне кажется, что я, наоборот, выиграю, а не потеряю».

Компенсировавший неизбежные потери выигрыш, понятно, возможность печататься в московских газетах и журналах – по тематике экспедиции. Гроссман уже с профинтерновскими изданиями работал как технический сотрудник, это была первая ступень на пути к журналистской деятельности. Вторая – публикации в столичной периодике. 9 мая он отправил письмо: «Дорогой батюшко, сижу в Ташкенте. Завтра еду на место работы – городок Каунчи Ташкентского округа, 30 минут езды от Ташкента. Пока все очень интересно, масса новых впечатлений».

Аклиматизацию перенес, согласно письму, легко. По крайней мере, легче, нежели предполагал: «Жара здесь меньше, чем в мартеновском цеху, хотя, говорят, что в июле здесь бывает около 70°, но в июле меня здесь уже не будет...»

Сохранилось и одно из писем в Бердичев. Отправлено тоже 9 мая: «Дорогая мамочка, сижу еще в Ташкенте. Завтра утром выезжаю. С отъездом вышла маленькая ерунда. Нам изменили место поездки – думал ехать куда-нибудь подальше, а нам в самом Ташкенте изменили место и дали пригородный район – 30 минут от Ташкента. Я знаю, что ты будешь этим довольна, а я наоборот – не доволен».

Кстати, в губернской книге письмо это цитируется как адресованное отцу, а не матери. Воспроизведенный публикатором фрагмент выделен курсивом: «...*Работа наша будет заключаться в ряде обследований крестьянских хозяйств, кооперативов и пр. Город очень интересен, красив, совершенно нов для меня, масса красок, цветов, яркое небо, жаркое солнце. Выпиваю 10–25 стаканов сельтерской воды в день, жару переношу легко, уже загорел*».

Характерно, что словом «загорел» не заканчивается фраза, цитата же оборвана, и купюра не обозначена. При этом ни о каких семейных тайнах речи не было: далее в предложении только и сказано, что «с питанием все обстоит благополучно».

Допустим, публикатор забыл обозначить купюру. Но почему он решил, что письмо адресовано отцу Гроссмана – догадаться нельзя. Даже если не прочел цитированную нами первую страницу, которая начинается обращением к матери, так на второй, откуда Губером и взята цитата, сказано: «Будь здорова, крепко целую. Вася»⁶³.

Если бы автор письма обращался к мужчине, то было бы сказано «будь здоров». Значит, обращался к женщине, что трудно не заметить.

Подобного рода загадок в книге Губера немало. Но, как ранее отмечалось, рассмотрение каждой из них в нашу задачу не входит.

Что до экспедиции, Гроссман действительно увлекся социологической проблематикой. В Узбекистане тогда проводилась так называемая коллективизация – объединение крестьянских хозяйств в единые комплексы под управлением советской администрации. По мнению «вузовца», это было вполне уместно. Цель – благосостояние – представлялась ясной, средства казались понятными, не противоречащими цели.

На первый взгляд преимущества «нового быта» или, как тогда говорили, «перехода на новые рельсы» сомнений не вызывали. Дехканам, объединившимся в коллективные хозяйства – колхозы – правительством были предоставлены тракторы. Строились ирригацион-

---

⁶³ См.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 63. Л. 1–2.

ные сооружения. Увеличилась площадь распаханых земель, соответственно урожай, росли и доходы. Открывались кишлачные школы, больницы и т. д.

Успех туркестанского проекта не вызывал сомнений. 18 мая Гроссман сообщал: «Дорогой батя, окончательно обосновался. Доволен. Работа интересная, благодаря ей знакомлюсь не только с “внешностью” Востока, но и с интереснейшими процессами экономики, культурной жизни и пр. Езжу по кишлакам, наблюдаю быт; сведений, впечатлений, интересных фактов, разговоров – много. Очень интересен здесь базар – прямо-таки слепит глаза яркость и пестрота красок, никак не могу привыкнуть к виду упряженного верблюда. Вчера был в очень интересном кишлаке, переходящем на новые рельсы – строится большая школа, радио, мечети пустуют, есть большой колхоз, трактор, женщины снимают паранджу. Ей-богу здорово! Председатель тамошнего сельсовета – инициатор и вдохновитель всех этих новшеств – высоченный узбек, не умеющий говорить по-русски, безграмотный, но, как говорится, “министерская голова”. Все дела он вершит, сидя в чайхане – скрестив ноги и попивая бесконечное количество чая. Разговор с ним был несколько скучен, т. к. общих слов не более 10».

Задачи в экспедиции ставились достаточно трудоемкие. 1 июня Гроссман сообщал, что три недели жил в Каунчи, где обследовал крестьянские хозяйства, пересчитывал ишаков, лошадей и верблюдов, готовил статистические данные. Обстановка была непривычной: «Ты знаешь, у меня создается впечатление, что здешние дехкане гораздо революционнее наших российских крестьян – агрономы, землемеры, сов[етские] и пар[тийные] работники рассказывают, с какой охотой идут здесь к новым методам обработки земли...»

Революционность была, по мнению «вузовца», решающим фактором. Гарантирующим преодоление всех препятствий: «Безграмотность здесь, тем не менее, потрясающая – как правило, и председатели кишлачных советов, и секретари <партийных> ячеек безграмотны. Но это не так страшно, народ хочет учиться, учится и, конечно, выучится».

Модернизации препятствовали главным образом мусульманские традиции, определявшие уклад жизни дехкан. Его изменение Гроссман считал необходимостью: «Особенно бурно и с болезненными эксцессами здесь идет кампания за раскрепощение женщин, снятие паранджи. Часты убийства мужьями жен, снявших паранджу. Позавчера здесь вышел трагический случай – жена-узбечка желала учиться, муж не давал, она решила с ним развестись, пришли в Каунчийский совет, когда церемония развода кончилась, муж выхватил нож и воткнул ей в сердце, она через пару часов умерла, совсем еще девочка, 17 лет».

Такого рода впечатлений было немало, однако мнение о «новых рельсах» до поры не менялось. 22 июня Гроссман рассказывал, что неподалеку от Каунчи создан «кишлак Ислахат (по-русски – “Реформа”), до 1925 г. на этом месте была голая степь, которая летом выгорала совершенно, теперь там 492 хозяйства, 2000 десятин засеяны хлопком, есть три школы, радио, красная чайхана».

Он не объяснил, чем «красная чайхана» от любой иной отличается. Комментарий не требовался – о таких реалиях «нового быта» в газетах писали. Речь шла о сельской библиотеке, созданной рядом или же непосредственно в помещении обычной чайханы, излюбленного места отдыха дехкан. Можно сказать, что российский аналог – знаменитая «изба-читальня», своего рода сельский клуб.

Созданный в степи кишлак – итог реформ, подразумевавших строительство эффективных ирригационных систем. Гроссман отметил, что население «Ислахата» – в прошлом батраки или же землекопы, не имевшие своего земельного участка. Но положение изменилось: весной 1928 года «у них работало 26 тракторов, почти вся запашка была общественная, создано 11 колхозов. В общем, здорово».

Быт экспедиционный тоже описан. Правда, скупое и не без иронии: «Ну-с, что рассказать о себе – чувствую себя хорошо, только похудел малость, от жары, вероятно, да москиты безбожно покусали. Тут удивительно однообразный стол – плов да шашлык, шашлык да плов, хучь (sic! –

Ю. Б.-Ю., Д. Ф.) плачь. Что касается местной жары, я ее переношу очень свободно, да и жара-то настоящая начнется в середине июля, а теперь, как говорят местные жители, “тепло” – градусов 40–45».

Экзотика уже прискучила. О чем и рассказывал отцу: «Между прочим, интересно, как человек ко всему привыкает – в первые дни я разиня рот глядел на верблюжьи караваны, узбеков в чалмах и халатах и всякую восточную штуку, а теперь привык – идет верблюд или живописная группа восточных людей сидит в чайхане, а я хоть бы что. Никакого внимания, как будто в Бердичеве по Белопольской улице хожу; это немного обидно, что острота новизны так быстро притупляется; самая приятная штука новизна эта. Тут у меня одно несчастье, это путешественный зуд. Ведь отсюда очень близко во всякие замечательные места – 2 дня до Китая, 2 дня до Памира, 2 дня до Индии, Персии, Афганистана – лежишь ночью, глядишь вверх, и такая охота попереть во все эти страны, что... Вспоминаю твою детскую надпись на карте – “Эх, если б мне крылья”».

Вскоре он в Ташкент вернулся. Тревожился – вестей из Сталина не было. Экспедиция же заканчивалась, что подразумевало традиционное застолье, это и тревожило отца. Гроссман старался его успокоить: «Дорогой батя, я тебе катаю письма и открытки, а ты молчишь так упорно, будто со злым умыслом. Не знаю, что и думать. Не заболел ли ты, аль рассердился на меня? Как будто не на что – работаю здесь в поте тела и лица на благо социалистического отечества, насчет выпивки принял решение новое в Москве еще – постановил поставить точку, постановления этого держусь строго, не нарушил и не нарушу».

Посредством экспедиции Гроссман решил важнейшую задачу – собрал актуальный в аспекте журналистики материал. Далее следовало подготовить сами публикации, найти издания, готовые их поместить. Можно сказать, он стоял у второй ступени литературно-журналистской карьеры.

Вторая ступень

Гроссман в автобиографиях не сообщил ничего о своем журналистском дебюте. Нет о том сведений и в статьях энциклопедических изданий.

Правда, о журналистском дебюте Бочаров написал – в цитированной выше монографии 1990 года. По его словам, Гроссман после экспедиции, «еще будучи студентом последнего курса, опубликовал две небольшие статьи: в кооперативной “Нашей газете” 7 июля и “Правде” 13 июля. Это были его первые печатные труды».

Какова тематика «небольших статей» – не сообщается. Похоже, что гроссмановские «первые печатные труды» не заинтересовали исследователя.

С точки зрения художественной они и впрямь не примечательны. Зато интересны в аспекте биографическом.

Отметим, что «Нашу газету», напечатавшую первую из гроссмановских статей, Бочаров назвал «кооперативной». Но это относится, скорее, к одному из тематических аспектов. А выпускалась она Центральным комитетом и Московским губернским отделом профсоюза советских и торговых служащих СССР.

В ту пору советскими служащими официально именовали занятых не физическим трудом наемных работников государственных учреждений. Торговыми соответственно ту же категорию работников торговых учреждений. Главным образом продавцов, кассиров, бухгалтеров и т. п. Вот их всех и объединил новый профсоюз, получивший собственное издание.

Опубликованный 1 января 1926 года первый номер открывался статьей Троцкого. С поста наркомвоенмора он ушел еще в 1925 году, формальная причина – состояние здоровья. Но в Политбюро ЦК партии оставался, потому авторитет был достаточно высок, чтобы показать, насколько важные задачи ставятся перед редакцией нового профсоюзного издания.

Заголовок программной статьи – «Нашей газете». Троцкий постулировал: «Торговые служащие связывают государственную промышленность с населением. Советские служащие связывают с населением рабочее государство. Уже одного этого достаточно, чтобы понять гигантское значение профессионального союза советских и торговых служащих и величайший культурно-исторический смысл совершаемой им работы. Борьба с бюрократизмом государственного аппарата есть в огромной степени борьба за элементарно-культурное, а затем и культурно-социалистическое перевоспитание советского служащего. Борьба за хозяйственную добросовестность, за интересы потребителя, за качество продукции есть в огромной степени борьба за воспитание и перевоспитание торгового работника, за его товароведческую профессиональную и культурную грамотность. Выполнить эту работу можно только в том случае, если повседневное обслуживание материально-бытовых и культурных интересов советского и торгового работника будет связано неразрывной связью с общими задачами трудящихся масс и социалистического строительства»⁶⁴.

Далее – выводы. Автор утверждал: «В этом смысле поле работы перед “Нашей газетой” неизмеримо. Она должна стать – и, несомненно, станет – нашей газетой не только для профессионального союза, но и для партии и рабочего государства в целом, как важнейшее воспитательное орудие, направленное на сотни тысяч работников, без сплочения, воспитания и подъема которых немислимо построить социалистическое общество».

Как известно, двух лет не прошло, и политическая карьера Троцкого в СССР закончилась. Что, впрочем, не отразилось на статусе «Нашей газеты». Она выходила ежедневно на шести полосах, основное внимание уделялось вопросам экономики и социальных преобразо-

---

⁶⁴ Здесь и далее цит.: *Троцкий Л.* Нашей газете // *Наша газета.* 1926. 1 янв.

ваний. Такой тематике вполне соответствовала заметка Гроссмана. Заголовок – «Узбечка на кооперативной работе»⁶⁵.

Материал был, понятно, экспедиционный. В остальном же обычная заметка, неотличимая от аналогичных в «Нашей газете». Эмоций минимум, стандартный, «выглаженный» редактором стиль: «Одной из своеобразных и чрезвычайно важных форм втягивания женщин Востока в общественную работу являются женские кооперативные лавки. Эти лавки обычно реализуются при потребительском кооперативе; ассортимент их составлен таким образом, чтобы удовлетворять именно покупательницу – женщину...»

Ну а далее следовало описание пропагандистской кампании, проводимой сотрудниками кооперативов, статистические данные, свидетельства об успехах, перечисление недостатков, разумеется, незначительных и легко устранимых, и т. д. Финал, конечно, оптимистический: Гроссман утверждал, что женские кооперативные лавки «представляют собой удачную форму работы по раскрепощению женщин. Необходимо усилить темп их количественного роста и повысить качество их культурно-просветительной работы».

Даже в заключении нет каких-либо эмоциональных оценок. В том числе и на уровне определений. Правда, главный тезис соответствует общей направленности более поздних гроссмановских статей. Акцентируется, что очень многим советская власть предоставила возможности, ранее вовсе немыслимые.

Разумеется, тезис как таковой – дежурный в советской журналистике. Но похоже, Гроссман не лукавил. Он в досоветскую эпоху относился к дискриминируемой группе населения, а новый режим ассоциировал с идеей устранения дискриминации.

Отметим, что для первой же публикации он использовал псевдоним «В. Гроссман». Правда, в «Нашей газете» фамилия автора заметки указана как «Гросман». Однако это лишь опечатка, что случалось нередко. В дальнейшем такого уже не было.

Псевдоним – только имя, а не фамилия – отделял начинающего журналиста от будущего инженера. В инженерской, а паче того научной среде несолидным занятием считалось печатание газетных заметок пропагандистского характера.

Следующая публикация, как Бочаров и отметил, в «Правде». Не такая уж «краткая», если не с передовицами там сравнивать. Довольно просторная статья о земельной реформе в Узбекистане. Заголовок – «Ислахат»⁶⁶.

О той реформе Гроссман не разотцу рассказывал. «Ислахат» – ее узбекское название. Описывал и одноименный сельскохозяйственный кооператив, созданный на территориях, которые раньше не орошались. Лейтмотив статьи – социальные преобразования: «На новой земле осели и занялись дехканским трудом пролетарии, всю жизнь свою не имевшие угла, рывшие арыки и бродившие по стране в поисках работы и куска хлеба, мардикеры-батраки, гнувшие долгие годы спину на полях бая, чайрикеры-издольщики, из поколения в поколение на крепостных условиях обрабатывавшие обширные поля богачей за право вспахать и засеять свой маленький клочок земли».

Характерно, что повествователь здесь – не только очевидец, но и участник. Эмоционально даже описание четырнадцативерстного пути от железнодорожной станции Каунчи до кооператива: «Дорога плетется меж засеянных хлопком полей. Вдоль арыков кое-где растут деревья и вьется узкая полоса красных маков. В нескольких же саженях от арыка нет ни маков, ни зеленой травы, ни деревьев. Суровый край!»

Повествователю все интересно. Он пользуется любым случаем получить информацию: «Возница мой – *русский* – крестьянин Орловской губернии, старик лет шестидесяти. Он весел, *оживлен*, все время смеется, говорит то со мной, то с лошастью, то с самим собой».

---

⁶⁵ Здесь и далее цит.: Гроссман В. Узбечка на кооперативной работе // Там же. 1928. 7 июля.

⁶⁶ Здесь и далее цит.: Гроссман В. Ислахат // Правда. 1928. 13 июля.

Курсив здесь автора. Подчеркнуто, что сведения о реформе собраны не только при опросе представителей коренного населения республики. «Ислахат» – общее дело узбеков, татар и, конечно, русских.

Но при общении с председателем кооператива возникли некоторые трудности. Администратор не говорил по-русски, его собеседник не знал узбекский. Зато, по словам повествователя, оба понимали главное.

«Показав на поля, горевшие в лучах заходящего солнца, я сказал:

– Якши Ислахат.

Лицо старика расплылось в улыбку, еще острее заблестели молодые глаза, и он ответил:

– Кареш, кареш, джудай якши (Очень хорошо)».

Далее речь шла об истории кооператива «Ислахат», ценах на продовольствие, росте поголовья скота, а также деятельности партийной и комсомольской организаций. Причем акцентировалось, что сведения получены от «комсомольца-татарина».

Особо примечательна история конфликта с трестом «Узбекское вино». Предприимчивые виноторговцы открыли на территории кооператива «Ислахат» свою лавку, но – «по инициативе комсомольской ячейки было собрано общее собрание дехкан, которое постановило: “лавку закрыть”.

– Вчера уже вывеску сняли, большая вывеска, из самого Ташкента привезли».

Рассказом о победе кооператоров в борьбе с виноторговцами заканчивалась история кооператива «Ислахат». Надо полагать, Гроссман понимал, что «инициатива комсомольской ячейки» отнюдь не случайно поддержана «общим собранием». Комсомольцы старались предотвратить пьянство работников, а большинство дехкан было воспитано в мусульманской традиции, запрещавшей употребление вина. Интересы совпали. Однако привлечь внимание к такого рода деталям вряд ли стоило. И автор завершал статью патетически: «На вновь орошенной земле работают новые люди, строят новую жизнь; с каждым годом они крепнут материально и культурно. Все новое – и земля, и люди».

Похоже, Гроссман и здесь искренен. Тональность его писем отцу, где речь идет о кооперации, примерно та же.

В целом он добился желаемого. Да, первая заметка – лишь дебют, по которому еще рано судить о перспективах. Зато вторая публикация в главной партийной газете разом меняла его статус. Подтверждала не только квалификацию, но и соответствие идеологическим требованиям – на самом высоком уровне.

Можно сказать, триумф. Непонятно только, когда Гроссман успел написать статью и заметку и в редакцию отнести. Времени было крайне мало.

Судя по гроссмановским письмам, возвращение из экспедиции назначено было на 26 июня. Пришлось задержаться, и 3 июля он сообщал: «Дорогой батько, приехал в Москву. По дороге чуть не сдох от собачьей жары. Никого и ничего не застал – все и вся закрыто и уехало. Думаю посидеть здесь дня 3–4 и поехать в Киев».

Невеста ждала в Киеве. Далее планировалось что-то похожее на свадебное путешествие – отпуск в дачном поселке Криница на черноморском побережье, где местные жители сравнительно дешево сдавали квартиры горожанам.

Гроссман и с отцом хотел встретиться. Тема уже не раз обсуждалась: «Ты пишешь, что с 1-го августа идешь в отпуск обязательно и всенепременно. Так приезжай в Криницу, ей-богу, лучшего места не найти, да и проживем вместе, наговоримся о всякой всячине, я уже соскучился по тебе».

Отца уговаривал приехать в Криницу вместе с женой. Та речной круиз планировала, соответственно, к ней и обратился, имитируя «черноморскую» манеру речи: «Ольга Семеновна, чего Вам на Волгу ездить? Ну, Волга, ну пароход. Чтоб я так жил, ничего интереснее нет, ничего лучше, чем “морэ”».

Стало быть, основная забота – подготовка к отпуску на море. Ни в одном из писем нет сведений о подготовке каких-либо публикаций. А четыре дня спустя гроссмановскую заметку опубликовала «Наша газета», через неделю его статья – в «Правде».

Допустим, все написано еще в экспедиции. Но ведь и с редакторами надлежало договориться, и материал в редакции прислать. О переговорах и почтой отправленных статьях тоже нет сведений в письмах. Значит, сделал все за четыре московских дня, что практически невозможно.

Здесь ответ биографический контекст подсказывает. Главную роль сыграла поддержка влиятельной кузины. «Наша газета» – издание, курировавшееся Профинтерном, а помощница секретаря этой организации располагала связями и в редакции «Правды».

Алмаз руководствовалась не только соображениями родства и дружбы. Кузен собрал актуальный материал, были у него и способности к журналистике. Помощь в подобных случаях уместна. Так «вузовец» оказался на второй ступени планируемой литературной карьеры.

Скрытые препятствия

В письмах журналистский триумф не упомянут. Что объяснимо: сын и отец в отпуске встретились. Ну а потом разъехались.

26 августа Гроссман отцу рассказал о дальнейших событиях. И вновь шутил: «Дорогой батя, после долгих странствий и мытарств прибыл в Одессу. Погода здесь великолепная, купаюсь в том же море, что и ты, вместе смотрим на одни и те же горизонты. Мама чувствует себя хорошо, ничего не болит, продолжает лечиться в городе».

Что за «долгие странствия и мытарства» имеются в виду – на первый взгляд непонятно. От Криницы до Одессы путь недолгий. Даже если сначала в Бердичев отправился, а потом сопровождал мать на курорт, все равно недалеко.

Значит, Гроссман сначала в Москву вернулся из Криницы, где он, жена и отец вместе отдыхали. Потом отправился в Бердичев – там жила мать, с ней до Одессы доехал. Тогда и впрямь «долгие странствия». А также «мытарства», если учесть, что в поездах не менее трех суток провел.

Отпуск уже заканчивался. Потому и планы свои Гроссман описывал кратко: «Я думаю ехать отсюда числа 31-го и в Киеве посидеть дня три».

Жена ожидала в Киеве, там ее родители жили. Ну а к началу учебного года надлежало ехать в Москву, что и подразумевалось.

Казалось бы, обычное письмо. Настораживают лишь детали.

Во-первых, Гроссман, словно бы мимоходом, спрашивал отца, получил ли тот две посылки. И сообщал, что еще одну собирается отправить вскоре. А каждая, по его словам, лишь пачка «газет и журналов».

Сам по себе факт отправления подобного рода посылок не удивителен. В 1928 году продолжалась кампания так называемой украинизации. Руководство Украинской советской социалистической республики требовало, чтобы национальный язык стал для всей республиканской прессы единственным. Исключения допускались единичные. Практически не поступали в розничную продажу русскоязычные газеты и литературные журналы, выписывать же сразу несколько московских изданий далеко не всем было по средствам⁶⁷.

Но как раз донбасскому инженеру – доступно. Он, в отличие от большинства украинского населения, мог бы и обойтись без помощи родственников. Трудно поверить, что решил сэкономить.

Во-вторых, Гроссман проявил обычно не свойственный ему и отцу интерес к событиям внешнеполитическим. Например, сообщал «последние новости: Ланцуцкий был выпущен из тюрьмы, через 4 дня снова арестован и после массовых протестов выпущен опять. Сегодня подписывают пакт Келлога, Венизелос будет президентом Греции. Остальные новости не дюже важные».

С. Ф. Ланцуцкий – польский социалист, один из лидеров профсоюзного движения. Был с 1921 года депутатом сейма. Там создал коммунистическую фракцию, в 1924 году за призыв к свержению правительства лишен депутатского статуса. Неоднократно подвергался арестам. Статьи о нем летом 1928 года печатала каждая городская газета в СССР. Что до «пакта», его визировали государственный секретарь США Ф. Келлог, министр иностранных дел Франции А. Бриан, представители Бельгии, Германии, Италии, Канады, Польши и других стран. Предусматривался отказ от войны как средства решения политических вопросов. Договор этот – дежурная тема в советской периодике с 1927 года. Но церемония подписания состоялась в Париже не 26 августа 1928 года («сегодня»), а на следующий день. И упоминаемый далее

---

⁶⁷ Подробнее см.: *Борисёнок Е. Ю.* Феномен советской украинизации. М.: Европа, 2006. С. 187–192.

Э. К. Венизелос не «президентом Греции» стал – премьер-министром. Разумеется, все перипетии греческих выборов тоже повсеместно обсуждались в прессе.

Вроде бы незачем было Гроссману-младшему отправлять почтой «газеты и журналы», где обсуждались «международные новости». Да еще и пересказывать их в письме, впопыхах путая даты и реалии. Все сведения – «не дюже важные»: сын знал, что отец украинским языком владеет, следовательно, может и сам прочесть то же самое в местных изданиях.

Ранее в письмах нет упоминаний о посылках с «газетами и журналами». Значит, именно летом 1928 года отец попросил сына выслать материалы периодики. Вдруг заинтересовался внешней политикой и литературой.

На самом деле отец тогда заинтересовался совсем другим. И отнюдь не вдруг. Политические события, обсуждавшиеся в периодике, были связаны с его работой. Только относились они скорее к внутренней политике, чем внешней. Пока сын ездил по Узбекистану, в Москве начался так называемый Шахтинский процесс. Его именовали еще и «Шахтинским делом».

Как известно, к весне 1928 года сотрудниками ГПУ арестована в донбасском Шахтинском районе группа инженеров и техников. Всем инкриминировалось участие в деятельности антисоветской диверсионной организации, которой из-за границы руководили бывшие шахтовладельцы, ставившие целью разрушение советской угольной промышленности. Аресты затем продолжались по всему Донбассу. После внесудебных расправ гласный суд начался 18 мая в Москве. Он продолжался более месяца, отчеты печатались в газетах и журналах. Тридцать из пятидесяти трех подсудимых не раз в ходе заседаний подтвердили, что считают себя виновными. Приговоры – от расстрела до различных сроков лишения свободы, включая условные. Впрочем, нескольких вообще оправдали, что советской прессой трактовалось в качестве доказательства объективности рассматривавших «дело». Ну а в постсоветскую эпоху оно было официально признано фальсификацией – наряду с другими процессами «вредителей»⁶⁸.

Уместно подчеркнуть: в 1928 году апробировалась модель показательного судебного процесса. Организаторы «Шахтинского дела» решали двуединую задачу. С одной стороны, надлежало оправдать большевистскую политику в горном деле. Ее целью изначально было максимальное увеличение добычи угля, пусть и вопреки правилам эксплуатации шахтного оборудования. Материалы же периодики убеждали советских граждан, что причины аварий в Донбассе – не распоряжения чрезмерно азартных или невежественных руководителей, но «вредительство» исполнителей. Только они и виноваты. С другой стороны, все инженеры и техники важный урок получили. Каждый усвоил: контролировать работу машин и рабочих надлежит именно за страх, а не за совесть, ведь любую аварию ГПУ может расценить как результат «экономической контрреволюции»⁶⁹.

В Сталинском институте гигиены и патологии труда, где работал Гроссман-старший, знали про «шахтинские» аресты. Разумеется, сотрудникам не были известны подробности, но многое угадывалось.

О технике расследования пишет, например, Л. В. Борбачева, изучавшая в 1990-е годы материалы Донецкого отделения Службы Безопасности Украины и местного государственного архива. В ее монографии, посвященной истории Сталинского горного института, акцентируется, что сотрудники ГПУ «осуществляли непосредственное руководство проведением научно-технической экспертизы, корректировали ее заключение, применяли в ходе следствия моральное воздействие на арестованных»⁷⁰.

---

⁶⁸ См.: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: В 2 кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2011. С. 10–70.

⁶⁹ Подробнее см.: *Есиневиц А. А.* Мнимые вредители. Шахтинское дело. Дело Промпартии. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004. С. 42.

⁷⁰ Здесь и далее цит. по: *Борбачева Л. В.* Страницы истории ДНТУ конца 20-х – 1930-х годов. Донецк: Издательство Донецкого национального технического университета, 2004. С. 10–21.

Обычные приемы. Следователи обещали арестованным «за “нужные” показания смягчение их участи».

У Гроссмана-старшего не имелось оснований верить, что аварии – результат диверсий. Тем яснее видел опасность. Конечно, «инженер-химик» не имел непосредственного отношения к шахтной технике, но такие, как он – досоветской выучки «технические специалисты» – занимали скамью подсудимых. Закончена ли кампания арестов – решалось в Москве. По газетам же можно было хотя бы строить прогнозы.

Судебные отчеты российские периодические издания печатали более подробно, чем украинские. Гроссману-старшему требовались именно подробности. Кто из обвиняемых что сказал, какова реакция судей и журналистов. Ну а сын в Москву вернулся, когда процесс заканчивался, ехал на юг через областные центры РСФСР, соответственно, имел к нужным изданиям доступ. Их отцу и отправлял, скажем так, порционно.

Как выше отмечалось, газеты и журналы отправлял на Украину не только Гроссман-младший. Многие интеллектуалы получали от родственников и друзей литературные новинки почтой. Однако три посылки могли бы привлечь внимание связанных с ГПУ почтовых служащих. Не исключено, что заинтересовались бы они перепиской отправителя и получателя. Вот на этот случай посылки отправлены из разных городов, и сын акцентировал в письме: отец следит за международной политикой, новости ждет с нетерпением. Конспирация дилетантская, так ведь и опыта не было.

Другой вопрос, поверил ли сын газетам. Конечно, были признания на суде. Процесс гласный, а в ту пору многие полагали, что понапрасну оговаривать себя обвиняемый не станет.

Вполне допустимо, что Гроссман-младший тогда сохранил иллюзии относительно советского режима. И все же догадывался: отцу грозит опасность. Потому и конспирировал.

Если бы отца арестовали, сына бы, скорее всего, из университета отчислили. Такова была советская практика. Значит, от журналистской карьеры пришлось бы надолго отказаться. Фактически непреодолимыми стали бы препятствия анкетного характера: не только «буржуазное происхождение», но и родство с избалованным «вредителем».

Тогда ли началась эволюция гроссмановского мировоззрения, раньше или позже – можно опять же спорить. Зато в любом случае понятно: «Шахтинское дело» тут свою роль сыграло⁷¹.

---

⁷¹ Garrard J., Garrard C. Op. cit. P. 93.

Новый этап

К началу учебного года Гроссман-младший, похоже, решил, что опасность миновала. 21 сентября отцу рассказывал: «Ищу комнату, ищу работы, но как того, так и другого не нахожу».

Разумеется, он искал работу по вузовской специальности. Но вернувшиеся раньше Гроссмана уже заняли в университетских лабораториях вакансии. Отцу сообщал: «Пока занимаюсь литературным трудом, сдал в “Правду” рассказ, ему прочат успех. Затем у меня как будто выйдет одно хорошее дело – подпишу с издательством договор на писание брошюры “Кооперация и раскрепощение женщины Узбекистана”. Если выйдет, то положу в карман сотню-другую, но беда в том, что это “как будто”».

В журналистике перспективы были открыты. Планировались доходы, однако повседневной оставалась проблема московского жилья. Точнее, поисков его.

Формально «вузовец» имел право в общежитии поселиться. Гроссман же там не резервировал место заблаговременно, как полагалось – в конце предыдущего учебного года. Он тогда комнату снимал в поселке Вешняки. Правда, чтобы сохранить ее, следовало, уезжая в экспедицию, за два месяца вперед уплатить. Такие расходы считал нецелесообразными, тем более что надеялся другой вариант найти – в Москве, поближе к университету. Не получилось. В итоге прежнее жилье утратил, а новое до поры снять не удавалось.

По сути, оказался бездомным. О чем и сообщал в цитированном выше письме: «Настроение у меня хорошее, угнетают только материальные невзгоды, Нет, серьезно, не говоря уж о том, что из-за отсутствия комнаты Галя не может переехать в Москву, меня чертовски укуло отсутствие своего угла. Эта необходимость шляться от знакомых к знакомым очень треплет нервы и иногда самолюбие. Знаешь, когда начинает темнеть, испытываю то, что испытывал наш предок, дикарь каменного века в лесу, – какое-то смутное, тяжелое беспокойство, необходимость выбрать ночлег».

Ему приходилось «шляться от знакомых к знакомым» не по всей Москве, а преимущественно в университетском общежитии. Некоторые «вузовцы», заблаговременно резервировавшие там места, тоже селились по частным квартирам, почему и свободная койка в одной из комнат всегда находилась.

Поиски вряд ли занимали много времени. Гроссман, конечно, знал, кто из однокурсников на частной квартире живет, значит, в какой именно комнате общежития следует искать свободную койку. Отцу же проблему описывал иронически, рассуждая, что «дикарю каменного века» лучше было – тот «лезна дерево или забирался в пещеру, трещину в скале; мне же в девственном лесу большого города хуже: все трещины и пещеры заняты...».

Впрочем, проблему вполне мог бы решить, как это делали обычно его соученики. Стоило лишь похлопотать, обратиться к университетским профсоюзным или комсомольским функционерам, поддержали бы непременно, тогда и вселился бы на законном основании в общежитие. А вот если не собирался там остаться, не имели смысла хлопоты. Гроссман уже готов был к вернуться к прежнему варианту, о чем рассказывал отцу: «На худой конец придется опять двинуть в деревню, т. е. поселиться как и в прошлом году, за городом».

Трудности возникали на финансовом уровне. Конечно, загородное жилье обходилось гораздо дешевле. Но цены и там ежегодно росли, причем гораздо быстрее, чем доходы «вузовца».

Спустя три дня он получил, наконец, отцовское письмо и сразу ответил. Настроение почти не изменилось: «У меня ничего нового и ничего хорошего. Разве что зашел в “Правду” отнести статью и был встречен очень любезно, хвалили всячески и просили писать еще».

Новость вроде бы хорошая. Только проблема жилья в Москве оставалась нерешенной: «Комнаты нет, и ей даже не пахнет».

Однако к 6 октября проблему удалось решить. Гроссман сообщал: «Дорогой батько, письмо твое получил примерно неделю тому назад, но написать тебе собрался лишь сегодня. Какие изменения в моей жизни? Нанял комнату, – комната неважная, маленькая, за городом, 30 рублей в месяц; лучше прошлогодней в том отношении, что не нужно ездить поездом (только трамваем), и что она теплая. В общем, я чрезвычайно рад – плохая ли, хорошая ли комната, но она знаменует конец моим метаньям по чужим хатам – прибыл к пристани. Занятия в университете уже начались, – в лаборатории я уже зарегистрировался, потихоньку приступил к работе, записался слушать специальные курсы “Катализ” и “Микроанализ”, зарегистрировал свою специальность – аналитик».

Похоже, быт налаживался. И не только быт: «У меня, батько, дорогой, успехи на литературном фронте, условился с издательством написать брошюру “Кооперация и женщина Узбекистана”. Даст это штука 300 р. – 70 % при сдаче рукописи, 30 % при выходе книжки в свет. Рукопись я обязался сдать к 1-му ноября, значит, если ее примут, “разбогатею”».

Вариант подобного рода уже обсуждался, но, похоже, к ноябрю реализация казалась Гроссману близкой. Перспективы радужные: «Теперь – второй успех, – если помнишь, я тебе читал в Кринице рассказик о наводнении – его приняли в “Прожектор”, но напечатают не скоро».

Упомянутый «Прожектор» – иллюстрированный ежемесячный журнал, литературное приложение к «Правде». Успех вроде бы немалый: для престижного издания квалификация автора рассказа признана достаточной. Значит, возможно и дальнейшее сотрудничество.

Однако все это относилось к перспективам. В сфере журналистики обещания и похвалы – без авансов и конкретно определенных сроков публикации всех предоставленных материалов – стоили недорого. О чем Гроссман знал, соответственно, отмечал: «В общем, через месяц я получу “богатство и славу”. Пока же ни того, ни другого».

Настроение все-таки изменилось к лучшему. По крайней мере, если сравнивать с недавним: «Что сказать тебе, батько, о себе – чувствую я себя хорошо, настроение неплохое, сильно скучаю по Гале, вот, пожалуй, и все».

Так что комната в пригороде стала единственным реальным успехом. О чем и сообщал: «Думаю через пару дней вызвать Гаю в Москву...».

Разумеется, «вызвать» планировал лишь на время. Переехать в Москву жена пока не могла. В Киеве училась, да и денег у Гроссмана не хватало, чтобы постоянно содержать кого-либо кроме себя.

Правда, трудности подобного рода он считал несущественными. 3 ноября сообщал: «Что ж, батько, мой дорогой, опишу тебе свою жизнь – приехала в Москву Галя, живет здесь уже около двух недель. Она хлопочет о своем переводе в Москву, но не так просто добиться, все затягивается, хотя похоже на то, что и вырешится окончательно на будущей неделе. Мама пишет, что она очень не советует Гале переводиться в Москву, что это будет тяжело в материальном отношении, задержит окончание мной университета. Мне кажется, что это не так – в материальном отношении будет так же тяжело, если Галя будет жить в Киеве, родственники ей помогать больше не хотят, следовательно, не все ли равно, где ей жить, здесь или в Киеве, а пребывание ее здесь не только не отвлечет меня от занятий, а, наоборот, “привлечет” к ним».

Киевские родственники жены руководствовались, понятно, соображениями прагматического характера – вышла замуж, пусть муж и содержит. А родителей Гроссмана эта перспектив не радовала.

Были у них и другие основания для тревоги. Сын же пытался успокоить: «Дорогой батько, ты писал, что тебя очень огорчает то, что у меня занятия стоят на втором плане, а “литература” на первом. Это не совсем так. Я действительно последних две недели полностью посвятил писанию брошюры о “раскрепощении женщины Узбекистана”, теперь я эту работу уже закончил и отдал сей труд печатать на машинке, через пару дней понесу на суд в издательство.

Поверь мне, что этим делом я занимался не из любви к “святому искусству”, а исключительно из материальных соображений».

Гонорар, как утверждал сын, дал бы возможность «молодой семье» безбедно жить месяца два, если не больше. Рассказал и о досуге: вместе с женой был в на мхатовском спектакле по пьесе Булгакова «Дни Турбиных».

Спектакль шел уже два года, как известно, инсценировка булгаковского романа «Белая гвардия» считалась триумфом МХАТ. Большинство зрителей восхищалось, рецензенты преимущественно бранили. И Гроссман невольно с критиками солидаризовался, отметив, что «игра хорошая, но пьеса мне не понравилась, уж больно тенденциозно выведены белые офицеры, все сплошь благородные, добрые, честные, смелые, а если и выведен один жулик (адъютант Шервинский), то он такой добрый, что на него невозможно сердиться, и если есть один полностью отрицательный тип – Тальберг, то он немец, а русские все ангелы; очень глупо».

Похоже, «вузовца» не интересовала тогда специфика политического контекста, обусловившая саму возможность инсценировки романа с явно провокативным заглавием. Важно было, что в пьесе положительные герои называют себя монархистами, а для Гроссмана российское самодержавие – режим неравенства, ликвидированный ценой колоссальных жертв. Спонтанная реакция оказалась негативной, да и на «белых офицеров» еще в гражданскую войну насмотрелся, о грабежах и расстрелах не забыл⁷².

Далее рассказывал о себе. Подчеркивал, что приезд жены многое изменил к лучшему: «Настроение у меня хорошее, семейная жизнь протекает хорошо. Я доволен ею, хотя немного страшновато, когда начинаешь задумываться о “больших мелочах жизни” и вопросах материальных, но, ничего, думаю, что не пропадем, как-нибудь да будет».

Характерно, что в письме есть и аллюзия на актуальное литературное событие. Годом ранее ленинградское издательство выпустила сборник фельетонов М. М. Зощенко «Мелочи жизни»⁷³.

Тематика и проблематика – быт советских граждан. Можно сказать, бытовая повседневность 1920-х годов. Заглавие книги популярнейшего сатирика вскоре стало фразеологизмом.

Гроссман акцентировал, что всего более озабочен бытовыми проблемами, главным образом – финансовыми. Почему и упомянул о стараниях кузины: «Относительно постоянной работы для меня, Надя хочет убедить Лозовского взять меня 2-м помощником для одной очень интересной штуки – он пишет теперь капитальный труд “О стачечной стратегии”».

У «вузовца» появилась возможность попасть в штат Профинтерна. Лозовскому следовало «прочитать громадную литературу, классиков марксизма, историю всего рабочего движения; в этом деле ему помогает Надя, а так <как> работы много, то она хочет и меня пригласить; вряд ли это выйдет, а жаль, интересно очень и денежно».

Алмаз все же не уговорила своего начальника принять на работу Гроссмана. Но сам Лозовский задачу решил: в 1929 году профинтерновским издательством выпущена его книга «Стачечная борьба и наша тактика»⁷⁴.

---

⁷² Подробнее о специфике использования термина «белые» советскими пропагандистами см.: *Фельдман Д.* Красные белые: Советские политические термины в историко-культурном контексте // Вопросы литературы. 2006. № 4. С. 5–25.

⁷³ См.: *Зощенко М.* Мелочи жизни. Л.: Красная газета, 1927.

⁷⁴ См.: *Лозовский С.* Стачечная борьба и наша тактика. М.: Профинтерн, 1929.

Депрессия

Если по гроссмановским письмам судить, он был настроен оптимистично, пока жена в Москве жила. Тогда и работу искал.

Однако вскоре положение изменилось. На исходе ноября отцу сообщал: «Галя в понедельник уезжает в Киев, так и не дождавшись решения своей судьбы в Московском университете. Если все ж таки в конце концов из Университета получится положительный ответ, она приедет в Москву после Рождества».

О себе рассказывал кратко. Подчеркивал, что университетские дела именно на первом месте: «Я занимаюсь – в лаборатории, посещаю лекции, в общем, вошел в занятия. С литературой пока покончил – сдал все рукописи в редакции и жду решения своей судьбы».

По-прежнему он чувствовал себя одиноким. Главным образом из-за отъезда жены. О своем настроении отцу вскоре сообщил: «Ты совершенно прав, и я это испытал на опыте и претворяю теперь в жизнь – работа лучший лекарь. Я занимаюсь в университете – работаю в лаборатории, загружен несколько часов в сутки этим делом (6 примерно). Между прочим, я теперь занимаюсь химией отравляющих веществ, и это дело меня весьма заинтересовало. Хорошее занятие для злых, обиженных жизнью людей – ты бы послушал, с каким сладострастием наш профессор смакует подробности о токсичности того или иного газа, жуть берет».

Гроссман выбрал наконец область, его интересовавшую, да еще и перспективную – с точки зрения поисков работы. Соответственно отметил: «В общем, могу сказать, что я работаю, время свое провожу разумно и с этой стороны собой вполне доволен. Сорвал я первый плод с древа литературного гонорара, и сей плод буквально тает в кармане – расплатился с частью долгов – они у меня долезли до 100 р., уплатил за квартиру и еще осталось 60 рублей, получил твоих 80, значит, смогу поехать в Бердичев, повезти туда Галию и еще обратно с ней вернуться. В общем, числа до 25 января я обеспечен, а там еще чего-нибудь подвернется. Я тебе хочу еще раз сказать, батько мой дорогой, чтобы в своих расчетах относительно того, бросать или не бросать институт, ты меня не принимал во внимание. Как-нибудь просуществую».

Непонятым оставалось, как именно «просуществует». Объяснений же не было: «Что тебе сказать о себе еще? Я работаю и в этом отношении чувствую себя хорошо, но отъезд Галии меня здорово допекает – я скучаю по ней очень здорово. Не знаю, чем это кончится, университетские бюрократы до сих пор умудряются не дать ответа относительно ее перевода. Если ее, в конце концов, переведут, я ее обязательно перевезу в Москву. Будет, что будет, как-нибудь промучаемся вместе, но, выражаясь высоким слогом, “без нее я не могу жить”. А если не переведут, то не представляю себе, как мы устроимся, во всяком случае, будет весьма и весьма скверно. Это, пожалуй, единственная моя болезнь, в остальном все как будто благополучно».

Из письма следует, что думал он, прежде всего, о возможности «перевезти» жену в Москву, а для совместного быта изыскивал способы жить гонорарами. Не получалось, чтобы «с литературой пока покончил». Еще и сообщил несколько позже: «Батько, я мало пишу о своих занятиях, потому что они мне порядком осточертели, а не потому, что дела мои обстоят плохо. Впрочем, в последнем письме я, кажется, писал об этом предмете, и мне не хочется снова повторять. Из университета меня не вышибут, конечно, кончу я его благополучно, только вот когда кончу? Может быть, к весне, а может, быть на 2–3 месяца позже, но, так или иначе, дело близится к “роковой развязке”».

До «развязки», похоже, могло и не дойти. Отцу Гроссман сообщал: «У меня есть “грандиозный” литературный план, я работаю понемногу, это дело не на месяц и не на два, а по меньшей мере на год, я с ним не спешу, писать не пишу, а только читаю всякую всячину и думаю по этому поводу, разрабатываю план кампании и набираю войска. Не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого; иногда мне кажется, что кишка тонка. Но это не важно».

На зимние каникулы он ездил к жене, навестил и мать. Затем вернулся в Москву. О впечатлениях отцу рассказывал: «Дорогой батюшко, вернулся на родное пепелище. Начал заниматься, занятия в университете до сих пор слабо налажены, лаборатории работают, а лекции и семинары начнутся по-настоящему с 1-го февраля. Думаю, к 1-му мая освободиться от последней лаборатории, тогда буду себя чувствовать не связанным с университетом “территориально”. Из литературных подработок тоже кое-что предвидится – подрядился писать для “Огонька” очерк о Бердичеве».

Вроде бы опять успех. И все же, по словам Гроссмана, описана была «внешняя сторона жизни. А что сказать о нутре? Как-то меня отпуск выбил из колеи. Чувствую себя очень одиноко, как говорит Есенин, “я один у окошка, ни гостя, ни друга не жду”».

Цитата была, что называется, на слуху. Гроссман отсылал отца к строфе из поэмы С. А. Есенина «Черный человек»:

Ночь морозная.
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду⁷⁵.

Гроссман и рассказывал, что одинок. А главное, чувство одиночества еще и постольку не оставляет, поскольку «на днях прочел (вернее, перечел) “Смерть Ивана Ильича”».

Речь шла о рассказе Л. Н. Толстого. И чувство одиночества там, как известно, лейтмотив⁷⁶.

Кроме отца, собеседников не осталось. Да и тема была необычна: «До чего жуткая, страшная книга. Как страшно – все страшные писания Эдгара По кажутся безвредными и нестрашными по сравнению с этой такой простой и обыденной историей. Жил Иван Ильич и помер. Весь ужас надвигающейся и неизбежной смерти, весь трагизм человеческого одиночества кажутся особенно страшными именно потому, что они так обыденны; кругом люди вполне равнодушные, заняты самыми простыми вещами – развешивают гардины, ходят в театр, а Иван Ильич умирает, умирает мучительно, ужасно, и никто не содрогается, не кричит, не воеет от страха – это в порядке вещей, каждый так должен умереть».

По словам Гроссмана, обыденность и ужасала. Он подчеркивал: «Меня эта книга очень поразила. Я теперь все время думаю об этом. Ты не смейся надо мной, ведь, в конце концов, вопрос жизни и смерти – самый главный вопрос».

Действительно, вопрос экзистенциальный. Причем особо актуальный из-за особенностей характера, о чем и рассказывал отцу: «Знаешь, в моей жизни большая перемена та, что я совершенно разошелся с товарищами. Еще в прошлом году товарищи занимали большое место в моей жизни, теперь же почти что чужие люди – ни дружбы, ни откровенности, ни общих интересов. Вероятно, в этом виновата отчасти моя женитьба, а может быть, просто пришло время стать друг другу чужими. Но жены со мной нет, и я “как голый пень среди долин”».

Гроссман, похоже, не сомневался, что цитата будет опознана. Имелись в виду строки из поэмы М. Ю. Лермонтова «Хаджи Абрек»:

---

⁷⁵ См.: Есенин С. А. Черный человек // Есенин С. А. Собр. соч. Т. 3. М.: Наука – Голос, 1998. С. 191.

⁷⁶ См.: Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л. Н. ПСС. Т. 26. М.: Терра, 1992. С. 61–113.

И я стою теперь один,
Как голый пень среди долин⁷⁷.

Выражение это уже к середине XIX века стало фразеологизмом. Так что не исключен другой, более поздний, вторичный источник цитаты – «Суд (Современная повесть)» Н. А. Некрасова⁷⁸.

Но в любом случае Гроссман акцентировал свое московское настроение. Отнюдь не оптимистичное: «Это чувство одиночества меня очень допекает, не хорошо жить, не имея близких людей. Ты не собираешься в Москву на время? Вот было б хорошо».

Его настроение родителей весьма беспокоило. А еще больше – отношение к университетским делам. Из-за экспедиции сын не закончил курс, зато успел жениться, доходы журналистские были sporadическими, а в итоге – двадцать три года, и ни работы постоянной, ни жилья своего, ни высшего образования.

Мнение свое родители высказали. И 30 января 1929 года Гроссман уже оправдывался: «Дорогой батько, получил сегодня от мамы письмо. Она получила твое письмо “полное негодования”, ее письмо тоже полно огорчения и негодования. Батько, я не помню точно, что именно писал тебе в том письме, но ты меня, очевидно, превратно понял. Я совершенно не намерен бросать занятия, наоборот, я сделаю все возможное, чтобы закончить их в минимальный срок (очевидно, к сентябрю). Думаю, что со всем багажом я развяжусь к весне, а на осень оставлю один зачет. Занимаюсь я теперь по 10 ч. в день, и мне было странно получить мамино письмо, в данное время оно пришлось не по адресу».

Диплом, по словам Гроссмана, оставался целью. Но в силе было и решение о выборе другой профессии: «Что касается того, что занятия мне “осточертели”, и увлекает меня некий литературный план, то по этому поводу ничего не могу сказать – именно так обстоит дело; меня это ничуть не огорчает, наоборот, радует, но это мне не мешает сознавать, что университет я кончу, и не только кончу вообще, а в минимально возможный срок (подчеркнуто автором. – Ю. Б.-Ю., Д. Ф.); сделаю все для этого. Меня очень огорчает, что ты так воспринял мое письмо. Жду твоего письма».

Отца, похоже, не убедил. 12 февраля вновь пытался оправдаться: «Дорогой батько, получил твое письмо. Ты пишешь, – “прости, пишу резко”. Прощать по существу нечего, ибо все, что ты пишешь, верно. Верно, и поэтому-то особенно неприятно (вернее, тяжело) мне было читать твое письмо. Я мог бы кончить университет в прошлом году, но запустил свои дела и начал по-настоящему заниматься лишь теперь».

Значит, к обычному сроку обучения в университете добавились не только два рабфаковских года. Из-за экспедиции в Узбекистан – третий, без чего вполне можно было бы обойтись.

Оправдать свои упущения сын не смог. Признавал отцовскую правоту: «Отчего я это сделал (запустил)? Были тут разные причины, но, в общем, главная – халатность, расхлябанность. Что говорить, порядочное свинство».

Характеристика эмоциональная, но относилась она к ситуации вполне реальной. «Вузовец» семь лет пользовался финансовой помощью отца, тот надеялся, что сын, завершив летом 1928 года образование, будет зарабатывать сам. Дополнительные месяцы в университете – непредвиденные расходы. Гроссману-младшему предстояло самому выбрать один из двух вариантов. Первый – найти сносно оплачиваемую работу и не пользоваться отцовской помощью. Но тогда пришлось бы уделять меньше времени университетским делам, значит, намного увеличить срок обучения. Второй – жить на отцовские деньги, зато и диплом получить скорее.

---

⁷⁷ См.: Лермонтов М.Ю. Хаджи-Абрек // Лермонтов М. Ю. Собр. соч. Т. 2. Л.: Советский писатель, 1989. С. 306.

⁷⁸ См.: Некрасов Н.А. Современная повесть // Некрасов Н. А. ПСС. Т. 3. Л.: Наука, 1982. С. 29–39.

Обоим выбор был ясен. Диплом следовало получить как можно скорее, рассуждения же об угрызениях совести ничего, по сути, не меняли. Ну, возможно, планы отчасти корректировались: «Теперь о литературе – батько, ты совершенно прав, я абсолютно с тобой согласен, что нет литературы вне жизни. Я пошлялся по издательствам и убедился, что пишущая братия – самая нехорошая разновидность человечества – жалкие, пустые люди, мыльные пузыри. Я иначе не мыслю дальнейшей жизни своей, как совмещения работы в производстве с “вечерними” литературой занятиями».

Должность инженера подразумевала стабильный доход, литературные же заработки были случайными. И Гроссман акцентировал: «Как я живу теперь – занимаюсь – днем в лаборатории, вечерами и ночами готовлюсь к зачету по технич[еской] химии, в промежутках между занятиями, да и во время их скучаю по Гале. Ужасно глупо и тяжело это – влюбился по-настоящему на склоне лет, наконец, женился, неделю-две поживем вместе, а потом длиннейшие месяцы разлуки. Вот и вся моя жизнь. Да, в трамвае еще (слава богу, едет он 30 минут) философствую “про жизнь и про всё”».

Гроссман цитировал одну из так называемых сказок Горького – «О маленькой фее и молодом чабане». Действие соответственно разворачивается в сказочном пространстве: «Жили в том лесу эльфы и феи, и старые мудрые гномы построили в нем под корнями деревьев дворцы свои, сидя в которых они думали думы про жизнь и про все другое, о чем нужно было думать для того, чтобы стать мудрецом».

Подразумевалось, что и отец помнил: не удалось герою сказки «стать мудрецом». Шутил Гроссман-младший, как часто бывало, невесело.

Матери 20 февраля он сообщал, что много времени уделяет делам университетским. Гораздо больше, чем раньше: «У меня ничего нового, занимаюсь, абсолютно никого не вижу, абсолютно нигде не бываю».

Диплом Гроссман планировал к лету получить. Затем, согласно закону о всеобщей воинской обязанности, армейская служба. Обязательная и для выпускников университета. Правда, срок для них поменьше. Но все равно, как рассказывал он матери, перспектива такая не привлекала: «Год прослужить для меня вещь не страшная, наоборот, я бы охотно и с удовольствием это проделал бы, только не с этой осени. Ей-богу, я уже не в силах все время жить порознь с Галей. Это какое-то издевательство, выматывает буквально все внутренности. 2 недели вместе, 4 месяца порознь, и так уже с прошлого Рождества. Думаю, что если с осени мы опять расстанемся на год, то это уже совсем не по силам. Поэтому хочу осенью взять работу на военном-химическом заводе, работников завода освобождают от военной службы (строевой). Думаю, что это удастся, мы теперь в большой моде и военное ведомство нами очень интересуется».

Описывал также свое эмоциональное состояние. Тут изменения были незначительны: «Что тебе сказать о своих настроениях? Пожалуй, основное то, что я скучаю по Гале, настолько скучаю, что иногда у меня рождается мысль вызвать ее в Москву, не дожидаясь окончания занятий, судя по ее письмам, она тоже не слишком бы упиралась и приехала бы. Но надо терпеть, ведь это ей разбило бы всю жизнь, как-нибудь дотерпим до мая».

Причиной такого настроения была не только разлука с женой. Еще и вовсе утратил интерес к московскому окружению, даже акцентировал, что люди раздражают «глупостью, ограниченностью, эгоизмом. А так вот, как теперь – хорошо. Не вижу никого, и баста».

С отцом дела учебные обсуждал более подробно. Например, 27 февраля: «Планы действительно существуют для того, чтобы эффектно разрушаться, но я надеюсь, что мой будет исключением. Сейчас закончил подготовку зачета по технической химии, думаю послезавтра сдавать его, беда с ним, материалу так много, что когда кончаешь книгу, забываешь начало, начинаешь – ускользает из памяти конец».

Перспективу мобилизации тоже обсудил. Химики в университете проходили специальную подготовку, о чем Гроссман и рассказывал: «Служба в армии – год, служить я буду, веро-

ятно, в какой-нибудь химической части, мой “военный профессор” говорит, что служба эта будет заключаться в том, что 3 месяца пробуду в строю, а затем буду привлечен к работе в лаборатории».

Его не пугали «3 месяца в строю». Другое беспокоило: «Но есть “но” – моя семейная жизнь. Ты пишешь – почему это житье врозь меня так расстраивает? Это очень понятно, эти беспрестанные разлуки на месяцы после свиданий на несколько дней – чертовски тяжелая штука. Ужасно одиноко, и эта всегдашняя тоска, и счет дней до свиданья действуют на меня как хорошая зубная боль. Вот и теперь Галя приедет числа 15-го – 20-го апреля на недели две и опять уедет, а там год службы. Убей меня гром, в жизни бывают вещи похуже, я это прекрасно знаю, но, уверяю тебя, мне от этого не легче».

Он конкретизировал планы на будущее. Подразумевал, конечно, и свое чувство вины за настоящее: «Знаешь, дорогой мой, окончить ВУЗ для меня сделалось какой-то навязчивой идеей, я теперь только об этом и думаю (ты, вероятно, улыбнулся, прочтя эту фразу, не совсем добродушной улыбкой). Я мечтаю, вот кончу, выйду в жизнь на широкую дорогу, работа, новые люди, новые мечты, литература. Дай вам бог, молодой человек, удачи».

Похоже, отец иронически оценил эмоциональный рассказ сына о «житье врозь». 14 марта Гроссман отвечал: «Теперь по “семейному” поводу. Ей-богу, батько, я не привязан к женской юбке. Если хочешь, то скажу тебе откровенно, как я объясняю себе себя. Я не удовлетворен во многих отношениях – общественном, личном и прочая, я очень одинок. До женитьбы я так и констатировал – тут плохо, там плохо. Теперь же все свои “горести” я склонен объяснять одной причиной, тем, что я не живу вместе с Галей».

Объяснение, правда, не считал убедительным. Почему и добавил: «Конечно, я люблю Галю, но, трезво рассуждая, тяжелое настроение у меня не только потому, что ее здесь нет. Когда она приедет, будет очень хорошо, но не будет совсем хорошо. Так что ты напрасно думаешь, что я строю свои жизненные планы “на базисе” женской юбки. А когда я тебе говорю, что с Галиным приездом сразу все станет хорошо, то я говорю неправду».

Сказанным, похоже, вновь остался недоволен. И опять добавил, что это – «между нами, батько: как говорят англичане, “говоря откровенно, как мужчина с мужчиной” (sic! – Ю.Б.-Ю., Д. Ф.)».

Отметим, что цитированный выше фрагмент опубликовал и Губер. Причем очередной раз нарушил им же оговоренный принцип: «Никаких орфографических исправлений в текст писем я не вносил...» В губерновском варианте слово «мужчина» передано орфографически верно. Но Гроссман не ошибся, а пошутил. Что называется, умерил пафос. Указывающее на простонародный выговор написание «мужина» явно контрастировало с книжным оборотом «как говорят англичане».

Лишь в постскрипуме он рассказал о случившемся на день раньше. В дачном поселке, где нанял квартиру, «на опушке леса застрелилась девушка: специально приехала из города и застрелилась. Так это страшно было – раннее весеннее утро, яркое солнце, звенят падающие сосен капли, и на белом снегу лежит молодое существо с развороченным черепом и черными волосами, забрызганными кровью».

Итак, беспричинная неприязнь к недавним друзьям, одиночество, страх смерти, постоянная тоска. Психическое состояние Гроссмана в ту пору вряд ли соответствовало норме. Уместна другая характеристика – депрессия.

Режим одиночества

От депрессии отвлекали только дела университетские. Благо и свободного времени практически не было.

Переутомление тоже важную роль играло. 26 марта, перечислив успешно преодоленные зачеты и экзамены, рассказывал отцу: «В остальных смыслах я “не живу”, человеческое сознание ограничено и не может вместить сразу несколько вещей. Ничего не читаю, нигде не бываю, никого не видел. Зато как хорошо будет сдать последний зачет и покончить с учением».

Но «покончить с учением» в марте Гроссман не мог. Депрессию пытался игнорировать: «У нас уже 3 дня весна, смешное время, люди в эти дни балдеют, и те, которым абсолютно не на что надеяться, о чем-то мечтают, и те, которым следует плакать, почему-то улыбаются. Хорошее время, я больше всего люблю первые дни нашей весны, когда солнце греет едва-едва, и воздух какой-то надломленный, – хотя и холодный, но пахнет теплом. Ну а мне не нужно плакать и печалиться, поэтому мне в эти дни очень хорошо. Я люблю природу, ей-богу».

Он строил планы на лето. После завершения курса полагалось не менее двух месяцев работать на предприятии либо в лаборатории, потому и обратился за помощью: «Ты знаешь, батько, мне бы очень улыбалось взять практику на Донбассе, уж больно мне надоела Москва».

Разумеется, не столица «надоела», а необходимость отыскивать приемлемое в аспекте цены жилье, да еще и тратить ежедневно не менее двух часов на дорогу к университету и обратно. Семейные обстоятельства тоже приходилось учитывать. О чем и сообщал: «Но, с другой стороны, я теперь пытаюсь устроить Гале практику в Москве, если это удастся, то мне придется тоже остаться здесь, если же нет, то не будет смысла сидеть в Москве. Как ты думаешь, у вас нельзя было б в этом случае устроиться – хотя бы в вашем институте? Я бы лазил в шахты вместо всех вас».

Науку он призванием своим давно не считал, и все же порой увлекался задачами научными. 6 апреля рассказывал: «Единственное спасение то, что предмет очень интересный, и я читаю и плаваю в формулах с большим удовольствием. Это не техническая химия, где все приходилось брать зубрежкой. Любопытно, что за этим чтением и разбором формул не замечаешь, как бежит время. Сел утром, кажется, что прошло 2 часа, глядишь, уже 5 вечера».

От депрессии не избавился. Но отца успокаивал: «Могу сказать, что психически последнее время я чувствую себя хорошо, и что мое всегдашнее скверное настроение из всегдашнего сделалось довольно редким».

Идея летней работы в отцовском институте вскоре утратила актуальность. Жена сообщила, что на практику ее отправят именно в Москву. Казалось бы, все складывалось удачно, однако родственников по-прежнему тревожило гроссмановское «тяжелое настроение», точнее, обусловленное психически его отношение к университетским делам. И – неожиданно обнаружившееся пристрастие к спиртному. Об этом сообщала отцу, в частности, Алмаз. Для тревоги основания были: срок получения диплома оставался неясным.

10 апреля, отвечая на письмо отца, Гроссман подробно рассказывал, почему вновь не успел решить все учебные задачи в срок. Перечислял объективного характера препятствия – ремонт в лаборатории органической химии, дефицит реактивов. А главное, только «на последние два синтеза я потратил около трех недель, роясь в немецкой литературе...».

Сыграли, правда, немалую роль и другие факторы, отцу известные. Вот тут пришлось всерьез оправдываться: «Теперь относительно пивных. Я действительно довольно часто посещаю их. Но между посещением пивных и пьянством нет сходства. Зайти в пивную и выпить бутылку пива – в этом нет ничего ужасного. Конечно, бывали случаи, когда я действительно солидно выпивал, не только пиво, но и водку, и был “пьян как сапожник”...»

Надо полагать, о подобного рода «случаях» отец тоже знал. И Гроссман доказывал, что можно не тревожиться: «Но и в такой выпивке, устраиваемой разв месяц или полтора, я не вижу ничего ужасного. В самом деле, такие выпивки не вредны для здоровья, потому что они редки. Такие выпивки не мешают работе, опять-таки потому, что они редки».

Строя аргументацию, Гроссман ответил и на предполагаемое отцовское возражение относительно перспективы алкогольной зависимости: «Совершенно верно. Но втянуться может или очень убогий, или очень и очень несчастный человек. Я же не умственно убогий, а когда я чувствую себя несчастным или одиноким, у меня нет ни малейшего желания пить, наоборот, выпиваем мы, когда хочется повеселиться, попеть, “побаловаться”. Я знаю, что ты держишься другой точки зрения и считаешь, что все это, даже в самых малых дозах – свинство. А мне кажется, что неплохо; хотя, конечно, хорошего в этом тоже ничего нет. Вероятно, тебе писали и про этот мой “грех”».

Он пытался доказать отцу, что от алкоголизма защищен вполне надежно. Постольку защищен, поскольку сформировалось «глубокое внутреннее сознание, что жить можно, только служа какому-нибудь высокому делу и любя это дело. Жить не для себя и не собой и узким кругом двух-трех людей. К большому своему горю, я не нашел такого дела, но верю, что найду. У Рабиндраната Тагора есть такая фраза: “О, великая даль, о, пронзительный зов твоей флейты”. Ну вот, я думаю, что этот зов выведет меня на настоящую дорогу, по которой ходят настоящие люди. Ты меня прости за высокий стиль, но ведь он искренен».

В общем, от пьянства защитит мечта о «высоком деле» и служение оному. Аргументирован тезис стихами из сборника «Садовник». Они уже к середине 1920-х годов стали расхожей цитатой⁷⁹.

Гроссман быстро наверстывал упущенное, кроме того, к летней практике готовился. Практиканта могли направить в любой город СССР, если не успел ранее договориться с администрацией какого-нибудь предприятия. Жена получила назначение в Москву, соответственно, он собирался туда же назначение получить. Неясно было только, где придется работать после вуза. Актуальной стала проблема так называемого трудоустройства.

В монографии Бочарова эта проблема лишь обозначена. Исследователь указал: «Окончив университет в 1929 году, Василий Семенович уехал в Донбасс, где работал и химиком-газо-аналитиком на шахте Смолянка II, и старшим научным сотрудником в Донецком областном научном институте патологии и гигиены труда, и ассистентом кафедры неорганической химии в медицинском институте»⁸⁰.

Следует из всего сказанного, что выпускник университета обеспечивал безопасность в шахте, решал задачи научные, да еще и вузовским преподавателем стал. Неясно только, чем обусловлен переезд в Донбасс. Уместно предположить, что сам выбрал, а так ли было – прямого ответа нет. Вместо этого цитируется суждение Гроссмана. «Я благодарен, – писал он позднее, – судьбе, не давшей мне остаться в Москве, в привычной мне среде, в привычных условиях. Мне кажется, всем молодым людям – инженеры ли они, писатели, врачи, экономисты – не нужно начинать работу в больших центрах».

Значит, хотел остаться в Москве, но это было невозможно в силу неких причин. И все же результатом доволен – «благодарен судьбе».

Если учитывать контекст, причины, в силу которых отъезд был нежелателен, понятны. Гроссман, по его словам, профессию химика считал средством заработка, мечтал же о литературной карьере. Для нее в Москве условия сложились благоприятные, менять что-либо вроде бы незачем. А он в Донбасс отправился. Правда, заявлял, что это лишь на пользу пошло. Но оценка – поздняя.

---

⁷⁹ См.: Тагор Р. Садовник / Пер. с англ Е. И. Саишиковой. М.: Универсальная Библиотека, 1917. С. 9.

⁸⁰ Здесь и далее цит. по: Бочаров А. Г. Указ. соч. С. 7–8.

Вместо объяснений Бочаров опять привел гроссмановские аргументы: «Мало ли в Москве людей, работавших когда-то на Волге, на Каспийском море, в лесах Сибири, на рудниках Урала, на бакинских промыслах! Все они имеют свой особый ценный характер. Он сказывается в человеческих отношениях, в деле. Люди эти обогащены тем, что усвоили, пережили. Они формировали свой характер в условиях своеобразных, подчас трудных. Работалось им не всегда легко и гладко. Но молодые люди, мне кажется, выигрывают от этого».

Значит, «выигрывают», закаляя характер в трудной работе. Но все равно сказанное не объясняет, почему Гроссман – вопреки собственной воле – уехал из Москвы. Ясно только, что и другие «молодые люди», покидали «большие центры», где окончили вузы.

Бочаров, используя гроссмановские цитаты, дал понять: в столице у выпускника не было возможности остаться. А подробные объяснения советским читателям не требовались. В 1990 году, когда вышла монография, они и так понимали, что имелось в виду принудительное направление окончивших вузы на работу.

Сама концепция принуждения сформулирована и обоснована в специальном постановлении Совета Народных Комиссаров, принятом 4 июля 1923 года. Речь шла о необходимости возмещения окончившими вузы «расходов, понесенных государством на их содержание»⁸¹.

Поначалу речь шла о возмещении только стипендиальных расходов. Выпускнику надлежало ликвидировать задолженность, после чего ему и вручали постоянный сертификат (диплом), подтверждавший окончание вуза. До этого – лишь временное удостоверение.

Выпускник имел право самостоятельно выбрать конкретное предприятие или учреждение, подготовить оттуда запрос, так называемую заявку, а затем согласовать направление в своем вузе. Если же не сумел, то выбирал из списка, подготовленного специальной комиссией. В любом случае он должен был, получая жалованье по месту работы, компенсировать стипендиальные расходы государства.

Характерно, что принудительно «трудоустроенным» жалованье на предприятиях или в учреждениях выдавалось без каких-либо вычетов, компенсирующих стипендиальные расходы. Компенсацией считалась обязательная работа по направлению государственной комиссии. Срок зависел от времени обучения, но обычно не превышал пять лет.

К весне 1929 года ситуация была уже иной. Готовился новый документ, ограничивавший права выпускников, слухи обсуждались «вузовцами». 8 мая Гроссман сообщил отцу: «Теперь относительно твоего предложения работать в Сталине (Макеевке). Мне это улыбается. Даже не улыбается, а больше, это то, чего я хочу, что мне нужно».

Макеевка – промышленный центр в нескольких километрах от Сталина. Там, в частности, находились и шахты, где всегда требовались химики-аналитики. Особенно – с университетским образованием.

Выпускника могли направить в любой район, Гроссман же хотел выбрать, как минимум, знакомый, вот и понадобилась отцовская протекция. Соответственно, отметил: «Из всех мест в СССР Сталино (округ) меня наиболее привлекает. Поэтому, если возможно договориться теперь о работе, обязательно сделай это. Летняя практика кончается к 1-му октября, следовательно, если нужно обусловить срок, то говори о начале октября. К этому времени и университетские мои дела будут ликвидированы полностью».

Если жить и работать не в столице, так лучше с отцом по соседству. Для чего и следовало заблаговременно подготовить запрос администрации какого-либо макеевского предприятия. Большинство же однокурсников принципиально иную задачу решали, о чем и сообщал 19 мая: «Вообще у нашей публики тенденция – остаться в Москве во что бы то ни стало».

---

⁸¹ Подробнее см.: *Андрюшин Е.А.* Из истории трудового законодательства СССР и политики советского государства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. С. 195–197.

Он был предусмотрителен. Днем раньше Совнаркомом и Центральным Исполнительным Комитетом Советов принято Постановление «О порядке размещения на работу лиц, окончивших высшие учебные заведения и техникумы».

Согласно этому документу, несколько позже дополненному специальными инструкциями, вводилось исключительно плановое направление выпускников на работу. Оно производилось местными комиссиями Народного комиссариата труда – по заранее поданным в установленный срок заявкам предприятий и учреждений.

Выпускников лишили права выбирать место «трудоустройства» произвольно. Согласно новым правилам, выбор разрешался только в пределах списка, подготовленного комиссиями по «размещению» – с учетом потребностей всех наркоматов. Правда, исключение допускалось в случае «именной», заявки, т. е. вызова конкретного специалиста. Но и тут запрос надлежало подготовить заранее, а в дальнейшем – согласовать. Определяющими были интересы государства, если точнее, правительства.

Речь уже не шла о компенсации стипендиальных расходов. Компенсировались затраты на образование в целом. А главное, государственные предприятия и учреждения обеспечивались специалистами.

Это считалось вполне логичным. Был признан завершённым этап так называемой новой экономической политики, частное предпринимательство запрещалось на законодательном уровне. По сути государственными стали все предприятия и учреждения. В силу чего правительство, расходуя финансовые средства на подготовку специалистов, обеспечивало потребности государства. Отсюда и сама идея компенсации.

Но компенсация в данном случае – лишь предлог. Прежде вопрос привлечения и, конечно, удержания высококвалифицированных кадров решался администрацией предприятия или учреждения. Соответственно, необходимостью становилось обеспечение льгот. «Размещение» же позволяло экономить на заработной плате тех, кого направляли в отдаленные районы СССР. Жить там желающих было немного, и принудительное «трудоустройство» стало эффективным инструментом новой кадровой политики.

Выпускники, не выполнившие распоряжение НКТ, оставались без дипломов. Законодательно ограничивались и возможности их получить где-либо работу по специальности.

Ну а «размещенные» оказывались чуть ли не крепостными администрации предприятия либо учреждения. Сменить место работы разрешалось им лишь три года спустя. В противном случае – перечисленные выше санкции.

Кстати, у термина «размещение» был тогда синоним – «разверстка». Несколько позже использовался уже другой. Он и оставался в обиходе до распада советского государства – «распределение молодых специалистов».

Гроссман пытался обеспечить себе работу поближе к отцовскому институту. Средств не хватало, чтобы нанять в Москве квартиру для семьи, а предприятиям, где «размещали» выпускников, полагалось их жильем обеспечить. И жена имела право в ту же местность получить назначение.

Проблему квартиры следовало решить срочно. И переезд стал в какой-то мере желательным. Из двух зол приходилось выбирать меньшее.

Выпускник

На исходе мая Гроссман полагал, что планы в целом ясны. Однако вскоре ситуация несколько изменилась. В письме отцу рассказал, что жена «приезжает в Москву. Это то, что у меня хорошего. Да, вот что: зимой мне предстоит стать папашей, а тебе дедушкой».

О перспективе узнал днем раньше от жены. И комментировал иронически: «Не знаю, считать ли это хорошим или плохим. Во всяком случае, докторица смотрела Галю и нашла, что “выхода из интересного положения” ей нельзя делать. Да и Галя сама не хочет. Чудно. У меня будет сын (а вдруг дочь?). Как ты смотришь на такую новость?»

Забот у Гроссмана прибавилось. Ко всему прочему, еще не знал, на каком предприятии станет практикантом, от чего и зависел летний заработок. Тем не менее подчеркнул: «Настроение у меня, в общем, хорошее, только неприятно с практикой, да и заниматься надоело отчаянно, а как назло 2 последних зачета – сплошная зубрежка, но это пустяки, 3 недели посижу основательно, и точка».

До окончания университета оставалось немного. И Гроссман рассказывал отцу: «А настроение у меня хорошее оттого, что чувствую себя “у врат царства”. Знаю, что “царство” – тяжелая штука, и что шипов в жизни больше, чем роз, но, тем не менее, хорошо».

Очевидна в письме аллюзия на драматическую трилогию К. Гамсуна: «У врат царства», «Игра жизни», «Вечерняя заря». Практически она по мере публикации на родине автора переводилась на русский язык и уже в 1910-е годы стала весьма популярной⁸².

Герой трилогии, как известно, выпускник университета, создающий новое, чуть ли не революционное направление в философии. Он стремится отстоять свою индивидуальность, хотя от него отрекаются едва ли не все бывшие единомышленники: учитель, защищающий собственный профессорский авторитет, друг, прельстившийся академической карьерой, жена, не выдержавшая испытания бедностью. И все же философ, сохраняя верность себе, обретает верных последователей. Но в итоге, смирившись, уступает социальному давлению, сам отрекается от прошлого и вскоре значительно опережает бывших конкурентов на карьерном поприще.

Отсюда, возможно, следовало, что Гроссман смирился, предпочтя весьма сомнительным перспективам литературного успеха – стабильную инженерскую службу. Далее же он сообщал: «Хочется мне много читать по хозяйственным вопросам – разобраться самому, что и как у нас делается, но главное, хочется в жизнь войти, перестать быть зрителем, самому принять в ней участие. Не знаю почему, но от мысли остаться в Москве меня воротит, мне кажется, что все здесь “дутое”, а что “настоящее” там, на “периферии” и, конечно, прежде всего, в Донбассе. Ведь не хорошо я здесь жил, малосодержательно, пусто. И под этим периодом своей жизни надо поставить точку. Все изменить – обстановку, знакомых, интересы и, конечно, себя самого. Так или иначе, осенью отсюда уеду».

Вряд ли он пытался убедить отца. Похоже, что себя. Из Москвы все равно полагалось уехать, вот и доказывал, что не отступает, а готовится к наступлению.

Отец предлагал согласиться и на другую уступку. В связи с чем Гроссман отметил: «Да, дорогой мой, ты пишешь насчет того, чтобы стать мне Василием Семеновичем».

Подразумевалось, что сочетание «Иосиф Соломонович» – акцентированно еврейское. Замена же позволила бы отказаться от «безоружного вызова». Тем более что в личных документах тогда не было графы «национальность».

Замена – довольно частое явление, причем не только в еврейской среде. Право свободно выбирать имя и фамилию считалось достижением нового режима. Его предоставил гражданам совнаркомовский декрет еще 4 марта 1918 года. Процедуру задумывали как доступную каж-

⁸² См., напр.: *Гамсун К. У врат царства*. М., 1914.

дому совершеннолетнему. Одиннадцать лет спустя она не слишком усложнилась. Следовало подать заявление в соответствующий отдел местного Совета, предоставив туда официальные документы, удостоверявшие личность заявителя. И разумеется, уплатить положенную сумму. Далее уже сотрудник учреждения готовил объявление в газете. Оно там публиковалось соответственно очередности, а затем претендент в двухнедельный срок получал новые сертификаты⁸³.

Совет Гроссману не только отец дал. Вот сын и подчеркнул: «Интересно, что мама мне в открытке написала сегодня точно твоими словами об этом самом – “сделай это перед получением диплома”».

Понятно, что удобнее было бы сразу оформить диплом (или временное свидетельство), где значились бы новые имя и отчество. Не пришлось бы затем менять сертификат. Но Гроссман принял иное решение, о чем и сообщил отцу, по-прежнему иронизируя: «Я бы сам рад, но, во-первых, это стоит 25 р., а во-вторых, как-то неловко превращаться из Иосифа в Василия».

Дело, разумеется, было не в стоимости замены. Тут отец вновь помог бы. Да особо и «превращаться» не пришлось бы: Гроссмана с детства называли Васей, он и подписывал так письма родителям. Однако на уступку не согласился.

На том и закончилось обсуждение проблемы русификации, точнее, меры конформизма. Через несколько дней, отвечая на очередное письмо, Гроссман-младший вернулся к перспективе «стать папашей». Отец предупредил о возможных и даже обязательных препятствиях в реализации планов на будущее. Сын же отвечал: «Насчет того, что мне грозит “погрузиться в тину нечистую мелких помыслов” я уже думал. Нет. Если человек “погружается”, то ему ничего не поможет, будь он трижды свободен от всяких материальных тягот. А если в нем есть подлинное глубокое желание жить настоящей жизнью, то он ей и будет жить, вопреки и несмотря на “тормозы”. Таково мое мнение, мнение человека, знающего “тяготы жизни” только по книгам. Может быть, через год я изменю свое мнение. Поживем – увидим».

Отец, судя по ответу сына, аргументировал свои тезисы цитатой из хрестоматийно известного стихотворения Некрасова «Рыцарь на час». Как раз там и сказано: «Погрузился я в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей»⁸⁴.

Ну, а сын, опознав цитату, утверждал, что понимает ответственность, предвидит множество затруднений, но решение все равно неизменно. После чего следовала долгожданная новость: «Я кончил университет. А может быть, вернее сказать, ты кончил университет. В таком случае поздравляю тебя».

Сама тема была деликатной. И сын подчеркнул, что «не стоит писать письма мои по поводу этого “треугольника”: “я, ты и университет”».

Далее, сводя разговор к шутке, цитировал суждение жены. Она, по его словам, заявила, что «ст[арший] Гроссман выполнил учебный план химич[еского] отд[еления] 1-го МГУ».

Получилось, что не только сын помнил отцовскую помощь, но и сноха оценила по достоинству. Затем Гроссман сообщил: «Теперь надо пойти в деканат выправить себе свидетельство. Насчет практики. Практику я получил в Москве на большом мыловаренном заводе. Работа аналитическая – определение жирных кислот, свободной щелочи, анализы соды, стирального порошка и т. д. Вчера работал первый день. Скучновато».

Жил он в пригороде, а завод – московский. Отцу рассказывал: «И еще неприятно, что это чертовски далеко. 2 часа езды, и приходится стоять в битком набитом трамвае».

Впрочем, Гроссман убеждал отца, что не зря время тратит. Подчеркивал: «С первого дня я убедился, что практика мне необходима. Учеба это одно, а работа в производстве совсем другое. У меня такое чувство, что я ничего не знаю; утешаю себя тем, что все оканчивающие

⁸³ Подробнее см.: *Лекманов О.А.* Поэты и газеты. М.: РГГУ, 2013. С. 153–162.

⁸⁴ См.: *Некрасов Н.А.* Рыцарь на час // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем в 15 т. Т. 2. Л.: Наука, 1981. С. 134–139.

рассказывают о себе то же самое, потом быстро входят в курс дела и видят, что они знают. Надеюсь, что и со мной будет так же».

Однако самое трудное лишь предстояло. Следовало уточнить планы на будущее: «В связи с Галиным “грядущим молодым человеком” я решил (в противоположность всем прочим ранее состоявшимся решениям) в этом году не пойти в армию, а работать по военной промышленности».

Подразумевалось, что даже годичный срок армейской службы непременно обусловит финансовые затруднения семьи. Гроссман-младший планировал избавить беременную жену от «разверстки», а жалование рядового в Рабоче-крестьянской Красной Армии было мизерным.

Решение принималось не без подсказки отца, помогали опять родственники и отцовские знакомые. Прежде всего – «старая большевичка» Г. А. Флаксерман-Суханова.

Она и в аппарате ЦК партии работала, и с НКТ была связана. Ее стараниями вскоре устроена встреча университетского выпускника с представителем руководства Высшего Совета Народного хозяйства. Как известно, эта организация, созданная в 1923 году, курировала практически все отрасли.

Протежировать выпускнику взялся функционер ВСНХ, ответственный за удовлетворение нужд военной промышленности. О встрече Гроссман сообщал отцу: «Мы с ним поговорили (я окончил по специальности органическая химия с уклоном “отравляющие вещества”), и он обещал меня “использовать” по специальности; через дней 10 выяснится, куда меня направят».

Складывалось все довольно удачно, однако в итоге Гроссман не соблазнился перспективами сокращенного рабочего дня и высокого жалования. Отцу вскоре сообщил: «Я не рассказываю, что отказался от работы в ВСНХ, бог с ней; это чиновничье дело мне совсем не по душе».

Выбор другого назначения оставался неясным. Отцу рассказывал, что «ходил в свою университетскую комиссию. Дело представляется в весьма печальном свете. Места у них для химиков есть, но из рук вон плохие: курский сахар[ный] завод, винокуренный завод и т. д. Это не годится во всех отношениях – во-первых, отвратительная работа, во-вторых, уездная (подчеркнуто автором. – Ю.-Б.-Ю., Д. Ф.) провинциальная глушь».

Оставалось лишь вновь просить отца найти работу на предприятиях Донбасса. Помимо уже перечисленных выше преимуществ, было еще одно: угольная промышленность считалась еще и оборонной, потому инженеров-горняков обычно не призывали в армию.

Вопросы «размещения» были улажены, выпускник 1-го МГУ выехал в Донбасс, о чем и сообщал позже в анкетах. Он стал инженером, как планировал, но и от планов литературных не отказался. Лишь на время их отложил.

Уже после отъезда – на исходе декабря – решена была одна из задач, о которых рассказывал отцу в письме. Самый популярный московский иллюстрированный еженедельник «Огонек» поместил очерк «Бердичев не в шутку, а всерьез»⁸⁵.

Это был заметный успех. Выше отмечалось, что как журналист Гроссман дебютировал после экспедиции в 1928 году. Но заметка и небольшая статья лишь обозначили претензии на журналистский статус. Очерк же о родном городе свидетельствовал, что планы литературные реализуются поэтапно.

---

⁸⁵ Здесь и далее цит. по: Гроссман В. Бердичев не в шутку, а всерьез// Огонек. 1929. № 51–52. С. 12–13.

Разговор всерьез

Очерк, помещенный редакцией «Огонька» в последнем декабрьском номере 1929 года, крайне редко упоминается литературоведами. Причины вполне понятны. Это и не дебют Гроссмана в печати, и не проза зрелого писателя.

Лейтмотив очерка – дежурное тогда противопоставление «нового быта» и прежнего. Так, ликвидирована пресловутая «черта постоянной еврейской оседлости», соответственно, в Бердичеве уже ничего «местечкового» нет, это динамично развивающийся советский город.

Сама тема – равноправие евреев – тоже не нова. О том и раньше писали, и позже. Афористически итог подведен в романе И. А. Ильфа и Е. П. Петрова «Золотой теленок». Публикацию, кстати, московский журнал «30 дней» начал в январе 1931 года. Как объясняет один из романых персонажей иностранному журналисту, в СССР «евреи есть, а еврейского вопроса нет»⁸⁶.

При этом соавторы подчеркнули: цитированное выше суждение иностранец воспринял поначалу в качестве парадокса. Он в каждой стране изучал «еврейский вопрос», который, по его мнению, везде и всегда актуален. Убедившись же, что в социалистическом государстве иная ситуация, потерял интерес к окружающему. Зря приехал.

Шутка была тогда без всякого комментария понятна соотечественникам Ильфа и Петрова. Согласно пропагандистским установкам, за границей евреи равноправны лишь формально, антисемитизм же по-прежнему элемент государственной политики, а в СССР любые проявления ксенофобии невозможны, вот и «еврейского вопроса» нет.

Верили соавторы этому, нет ли – не так важно. В любом случае понятно, что не только мнение персонажа выразили, но и весьма эффектно сформулировали дежурный пропагандистский тезис: «еврейский вопрос» ликвидирован в СССР на деле, а не на словах.

Очерк, в «Огоньке» напечатанный, вроде бы о том же. Вот только акценты иные. Для Гроссмана антисемитизм – проблема актуальная. Что и заглавием подчеркнуто, и первой же фразой: «Всякий антисемит, услышав слово “Бердичев”, ухмыляется».

Получалось, что в советском государстве антисемитов немало. И мыслят они досоветскими стереотипами: «Бердичев – синоним еврейской торговой буржуазии, гнездо спекулянтов, – город, где живут торговлей и обманом».

Согласно Гроссману, стереотипы достаточно распространены. В силу дремучего невежества антисемит, коряво по-русски изъясняющийся, убежден, как прежде, что Бердичев – «это “ихняя столица”».

Характерно, что «ихняя», а не просто «еврейская». Для антисемита даже слово «еврей» – ругательство, публично его и произносить не всегда удобно.

По Гроссману, не только антисемиты мыслят стереотипами. Многие советские граждане убеждены, что о Бердичеве «вслух рассказывать не стоит. “Откуда ваша жена родом?” – “Да так, знаете ли, из Киевской губернии”...».

Если сам топоним Бердичев все еще ассоциируется с «еврейским мифом», а жена родом из пресловутой «ихней столицы», это мужа компрометирует. И он учитывает мнения антисемитов. Вот и старается избежать опасной темы, будучи, как сказано в очерке, «просто гражданином».

Гроссман утверждал, что стереотипы разрушить следует. Решить просветительскую задачу: «“Просто гражданам” надо рассказать о Бердичеве. Пусть знают, что город этот – вполне хороший честный советский город, ничуть не хуже Уфы или Волоколамска».

⁸⁶ См.: Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок. М.: Вагриус, 2000. С. 303.

Ирония была горькой. Волоколамск и Уфа, в отличие от Бердичева, не ассоциировались когда-либо с чертой оседлости. Не еврейские, значит, города, поэтому могут быть «хорошими» и «честными».

Далее же кратко описывал географическое положение и, конечно, историю родного города. После чего отмечал: «К концу XIX столетия в Бердичеве было около 60 тысяч человек населения. Оно состояло из украинских, польских и еврейских рабочих, католических монахов, крупных польских помещиков и торговцев. До войны Бердичев представлял собой крупный центр оптовой торговли мануфактурой и кожей».

Значит, не такой уж «глушью» был и тогда уездный город Киевской губернии. Специфика его акцентирована: «По национальному составу населения в Бердичеве преобладают евреи. Это, кажется, единственное, что твердо известно о Бердичеве каждому “механическому гражданину”».

Однако Гроссман настаивал, что и в Бердичеве «еврейский миф» не соответствовал реальности. У евреев никаких преимуществ не было и не могло быть: «Старые рабочие рассказывают такие жуткие подробности об эксплуатации их хозяевами, что так и кажется, что это было на каторжных работах в далёкие прошлые века. В таких условиях работали вместе сотни еврейских, русских, польских рабочих, работали на сапожных фабриках, в портняжных мастерских, на мелких металлофабриках, в мастерских гнутой мебели».

В конце XIX века началось формирование нелегальных рабочих объединений. Ну а первую забастовку на бердичевских предприятиях организовали сапожники в 1901 году, требуя хотя бы «12-часового рабочего дня и повышения оплаты труда за выделку пары ботинок с двух копеек до трех. Забастовка была ими выиграна. Из дня в день, из года в год, бердичевские рабочие вели упорную борьбу с хозяевами. Благодаря крепкой спайке между отдельными союзами, мужеству рабочих, не боявшихся многонедельных голодовок во время забастовки, борьба эта была победоносна».

Угнетатели же, понятно, с властью солидаризовались. Почему и тюремные камеры в Бердичеве «были всегда битком набиты».

В советскую эпоху, по словам Гроссмана, ситуация уже иная. Предприниматели и торговцы бежали за границу, рабочие переселились в дома своих прежних хозяев, развивается промышленность, создана новая система образования – для всех. Так что и быт евреев кардинально изменился: «Старые духовные школы ушли в область преданий. Хедер сделался достоянием истории. Нет ребе – учителя в традиционной ермолке. Еврейские школьники не изучают больше нараспев мудрости талмуда».

Получается, не видел автор ничего плохого в том, что и «хедер сделался достоянием истории». Чуть ли не радовался. Однако Гроссман не принимал никогда идеологические установки созданного в СССР «Союза воинствующих безбожников». Негативное отношение к «старым духовным школам» обусловлено, прежде всего, семейной традицией.

В Российской империи большинство секуляризованных евреев считало обязательный для мальчиков хедер бесполезной тратой времени. Вот почему мать Гроссмана увезла пятилетнего сына за границу, предоставив возможность получить исключительно светское начальное образование.

Из очерка следует, что в советском Бердичеве образование – насущный и решаемый вопрос. Есть начальные и средние школы, а также вузы, техникумы, рабфак и т. п. Как везде.

Применительно же к этнической специфике акцентирована другая бердичевская реальность. Не без гордости отмечено: «Большой интерес представляет собой еврейская агрошкола, единственное учебное заведение такого типа на всей Украине. У школы имеется 35 гектаров земли, засеваемой по всем правилам агронауки самими учащимися. Учится в школе 75 человек – дети еврейской бедноты Бердичевского, Проскуровского, Каменец-Подольского окру-

гов. Решительно все работы в поле, огороде, саду производятся самими учащимися. Успехи, достигнутые в постановке хозяйства школы, поистине разительны».

Гроссман очередной раз отсылал читателей к «еврейскому мифу». Согласно досоветским государственным идеологическим установкам, евреи органически не способны к тяжелому физическому труду, значит, доверить им земледелие нельзя. И в очерке акцентируется, что «окрестные крестьяне в момент организации школы отнеслись к ней не враждебно, но с большим скептицизмом, с юмором, так сказать: чахлые еврейские дети, сироты местечковых сапожников и портных, казались совсем неподходящим народом для полевых работ. Но после того как агрошкола получила две награды на сельскохозяйственных выставках, удостоилась на выставке денежной премии, – отношение крестьян к ней изменилось...».

Выяснилось, что еврейские дети вполне способны к земледелию. А потому, отмечает автор очерка, «крестьяне приезжают советоваться со школьным агрономом, присматриваются к методам работы на школьных огородах и полях».

Конечно, Гроссман знал, что «агрошкола» – не только бердичевская реалья. Аналогичные были и в других южных городах. Как известно, они формировались и финансировались Обществом землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ).

Созданное в 1925 году, оно считалось лишь общественной организацией, что и давало право на получение финансовой помощи из-за границы – от еврейских диаспор. Помогали щедро. Руководили же партийные функционеры, хотя особой роли такой фактор не сыграл. Велик был энтузиазм, создавались различные земледельческие товарищества. Советской пропагандой деятельность ОЗЕТ противопоставлялась усилиям сионистов, призывавших евреев эмигрировать в Палестину и там бороться за возрождение национального государства.

Правда, все еврейские земледельческие структуры были реформированы по ходу начавшейся в 1928 году так называемой сплошной коллективизации, т. е. уже насильственного объединения крестьян в полностью контролируемые государством сельскохозяйственные предприятия. Десять лет спустя распущено и ОЗЕТ.

Но до роспуска было еще далеко, и Гроссман, рассуждая о родном городе, местные достижения пропагандировал. Согласно очерку, Бердичев существовал вопреки мифам о нем. Тот самый город, «в котором почему-то считают неприличным родиться, учиться и жить».

Подразумевалось, что постольку «считают неприличным», поскольку ориентируются на антисемитские стереотипы. А это и советской идеологии противоречит, и реальности.

Заключает же очерк обоснование будущего. Оно, согласно Гроссману, оплачено кровью погибших в гражданской войне.

Аналогия тут приведена необычная. По словам автора, в Париже «есть пышный монумент: памятник неизвестному солдату, безымянной жертве мировой войны капиталистов. В Бердичеве есть более великий памятник, правда, как произведение искусства он стоит немного: простой серый камень, лежит на маленьком, огороженном решеткой пространстве городской площади; под этим камнем братская могила красноармейцев, погибших при взятии города».

Речь шла о боях за город в период советско-польской войны 1920 года. Погибших красноармейцев, как было тогда принято, на главной площади хоронили. Там и лежат «бердичевские рабочие, добровольцы: поляки, евреи, украинцы...».

Бердичевские рабочие воевали за свой город. А рядом с ними – «красноармейцы Интернационального полка: латыши, мадьяры, китайцы...».

Как известно, в период гражданской войны «интернациональными» называли особые войсковые части РККА, комплектовавшиеся иностранными добровольцами. Основу составляли бывшие военнопленные – граждане Австро-Венгрии, Германии, а также новообразованных сопредельных РСФСР государств, получивших независимость после заключения Брестского мира в 1918 году.

В советской пропаганде само понятие «интернациональный полк» – символ единства защитников революции. Получалось, что вместе с рабочими украинского города воевали их единомышленники из других стран. В том числе и России, соответственно, под общим могильным камнем – «кавалеристы 3-го кавалерийского полка: тульские, калужские и брянские крестьяне. Это великий памятник Интернационала».

Уместно отметить, что Гроссман не только социально-этнически характеризовал погибших в боях за Бердичев. Еще и эффектно противопоставил советские пропагандистские установки – популярной с XIX века идеологии «крови и почвы».

На уровне синтеза вывод подсказывал контекст. За одну страну сражались красноармейцы, она и есть их кровью политая общая для всех советских граждан «почва».

Далее Гроссман риторически «закруглил» очерк, т. е. вернулся к исходному тезису – проблеме антисемитизма. Соответственно, вывод формулировал: «Мы советуем гражданам, не уяснившим себе до сих пор национального вопроса, постоять немного у интернациональной могилы, – может быть, они поймут, что сила классовой солидарности, связавшая этих людей в одно целое, заставлявшая их вместе бороться и вместе умереть, есть единственная сила, которая может и должна соединять трудящихся всех национальностей».

Но если «должна соединять», значит, **еще не соединила**. Вот и заглавие отсылало читателя к антисемитским стереотипам, о них же первая фраза напоминала, далее выяснялось, что на уровень бытового антисемитизма не повлияли двенадцать лет большевистской власти. Значит, «еврейский вопрос» в СССР есть. В силу вышесказанного финал походил, скорее, на заклинание, чем констатацию.

Очерк «Бердичев не в шутку, а всерьез» от других публикаций аналогичной проблематики существенно отличается. Необычен он в контексте публицистики 1920-х годов. Обычно печатные рассуждения об антисемитизме завершал оптимистический вывод: советским правительством все меры приняты, и в целом проблемы – как таковой – более нет. По Гроссману же, она и не решена, и пока что неразрешима⁸⁷.

Итоговый вывод – отнюдь не оптимистический, что советскому публицистическому канону не соответствовало. И Гроссман не мог это не понимать.

Раньше он канону следовал, потому как собирался литератором-профессионалом стать. А 1929 году вдруг нарушил, хотя цель не изменилась.

Вопрос о причинах не ставился литературоведами. Так, Елина утверждала: первая фраза очерка «говорит уже о многом. Прежде всего, о том, что Гроссман не забыл свой “местечковый” город. Более того, в глубине души затаил обиду за пристрастное и глумливое к нему, а вернее к его обитателям отношение. И теперь, когда появилась возможность, он хочет восстановить справедливость, реабилитировать его в глазах читателей».

Таковы, согласно Елиной, были намерения Гроссмана. Он – «горячий защитник города...».

Причем не только города как такового. Гроссман, по словам Елиной, «явно проникся пафосом советской идеологии, добро и зло представляются ему облеченными в социальную, классовую оболочку: капиталисты – носители зла, рабочие и кулаки – добра».

Однако прагматика очерка несводима к попыткам «реабилитировать» Бердичев или очередной раз восславить идею классовой солидарности. Гроссман доказывал: вопреки официально декларируемому лозунгу неуклонной борьбы с антисемитизмом, ничего по сути не изменилось.

Допустим, увлекся, забыл о цензуре. Но вероятность того, что и в редакции «Огонька» запомнили цензурные установки – практически нулевая. Опыта хватало. И санкции в случае ошибки следовали незамедлительно.

⁸⁷ Ср., напр.: *Маяковский В.* Еврей (товарищам из ОЗЕта) // Известия. 1926. 16 нояб.

Санкций не было. Редакция «Огонька» не предъявляла Гроссману никаких претензий. Отсюда следует, что в 1929 году недопустимое раньше оказалось почему-то уместным.

Недопустимо и своевременно

Цензурная ситуация тогда и впрямь изменилась. А вскоре прежней стала. Не впервые такое происходило, и каждый раз отклонения были допустимы в течение очень короткого срока. Потому они и оказались малозаметными – для большинства литературоведов.

Осенью 1929 года в разгаре была очередная кампания по борьбе с антисемитизмом. Ей предшествовала другая – антисемитская. Негласная, разумеется, но тоже отнюдь не первая⁸⁸.

Такого рода кампании связаны с конфликтами различных группировок большевистской элиты. Изначально – борьбой Сталина и Троцкого.

После гражданской войны Троцкий по уровню популярности немногим уступал Ленину. Тот, как известно, терял из-за болезни управление партийной элитой. Значительная часть ее считала легендарного наркомвоенмора даже не «вторым в партии», а «вторым первым».

Влияние наркомвоенмора Ленин пытался уравновесить. По его предложению Сталин в 1922 году занял пост генерального секретаря партии. В результате тяжело болевший лидер советского государства оказался изолированным – борьба в партийной элите продолжалась без его участия.

Сталин тогда не был так популярен, как Ленин или Троцкий. Потому искал влиятельных союзников, тоже считавших наркомвоенмора конкурентом.

Еще в начале 1920-х годов был создан так называемый триумvirат. Генсек заключил тайный союз с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. Ни один из них не мог бы тогда стать преемником лидера государства, зато вместе они обладали достаточным влиянием, чтобы не позволить наркомвоенмору претендовать на эту роль.

Все инициативы Троцкого в любой области сразу же перехватывали «триумвиры». И, по возможности, дискредитировали противника. Литература, согласно российской традиции, стала одним из главных пропагандистских инструментов.

Тон задал журнал «Молодая гвардия», выпускавшийся с мая 1922 года. Как на обложке указывалось, издатели – ЦК комсомола и ЦК партии. Уже в десятом номере опубликована была надолго получившая репутацию скандальной повесть А. И. Тарасова-Родионова «Шоколад»⁸⁹.

Литературный скандал был громким. Современники не могли не угадать карикатуру на Троцкого в одном из отрицательных героев повести – следователе Шустром, выполнявшем задания ЦК партии⁹⁰.

Прослеживалось сходство внешнее и биографическое. В ту пору биография Троцкого широко известна, портрет – рядом с ленинским – на стене едва ли не каждого учреждения. Подобно Троцкому, персонаж носил пенсне, начинал политическую деятельность в качестве меньшевика, добился известности как журналист, после февральской революции 1917 года стал большевиком и, сделав стремительную карьеру, получил особые полномочия от ЦК партии.

Это само по себе еще не могло рассматриваться как негативная характеристика. Но Шустры́й – не просто честолюбец и не только карьерист. Он неоправданно жесток и откровенно циничен. Следователь добивается расстрела чекиста, бывшего рабочего, безусловно честного ветерана партии, которого обманули коррумпированные подчиненные.

Аллюзия была понятна современникам. Наркомвоенмор в 1918 году отдал приказ расстреливать командира и комиссара любой войсковой части, самовольно покинувшей свои

---

⁸⁸ *Такер Р.* Сталин-революционер. Путь к власти. 1879–1929. М.: Центрполиграф. С. 433–475.

⁸⁹ *Тарасов-Родионов А.* Шоколад. Фантастическая повесть // Молодая гвардия. 1922. № 6–7. С. 3–89.

⁹⁰ Подробнее см.: *Фельдман Д., Щербина А.* Грани скандала: Повесть А. И. Тарасова-Родионова «Шоколад» в политическом контексте 1920-х годов // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 171–208.

позиции. Впоследствии расстрелы коммунистов стали обыденностью, но первый был воспринят партийной элитой как покушение на ее права – большевики «с дооктябрьским стажем» ранее считались неприкосновенными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.